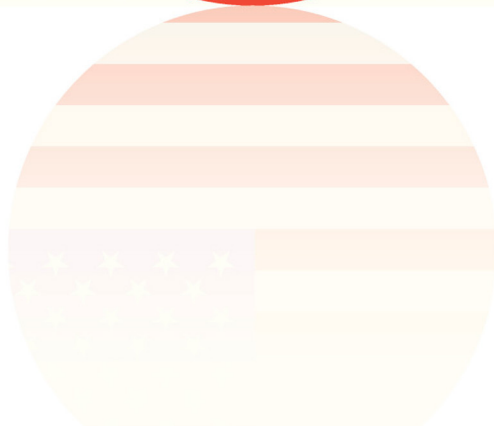

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№37

октябрь 2014

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 37
октябрь 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Борьба за Иран разгорается <i>Владимир Алексеев</i>36
Роухани — Кэмерон: «историческая встреча», обернувшаяся большим скандалом <i>Игорь Николаев</i>5	Иран: санкции, нефть и конспирология от Кудрина <i>Олег Чувакин</i>42
Ирано-саудовское «потепление»: пустынные миражи <i>Игорь Панкратенко</i>10	К визиту Николая Патрушева в Тегеран.....46
Станет ли Иран участником антитеррористической коалиции?.....14	Итоги переговоров в Вене. Напряженность нарастает <i>Владимир Алексеев</i>51
Насколько опасен проамериканский крен Тегерана? <i>Владимир Ефимов</i>18	Отец терроризма — американская иранофобия <i>Игорь Панкратенко</i>56
США начали схватку за Иран: что ждет Россию, если Иран уйдет? <i>Владимир Алексеев</i>23	России нужен сильный и стабильный Иран <i>Владимир Алексеев</i>61
Каспийские «клеши» для России и Ирана? <i>Игорь Николаев</i>28	Йемен в фокусе борьбы между США, Саудовской Аравии и Ираном <i>Владимир Ефимов</i>66
Тегеран и Вашингтон: мифы и реальности «сближения» <i>Игорь Панкратенко</i>32	Россия — Иран: что мешает прорыву в отношениях двух стран? <i>Фахраддин Абосзода</i>70

Краткое содержание номера

Под «занавес» сентября произошло скандальное событие. «Историческая встреча» президента Хасана Роухани и британского премьера Дэвида Кэмерона, прошедшая на полях Генеральной ассамблеи ООН, первая встреча лидеров двух стран с 1979 года, обернулась скандальной историей, вызвавшей небывалую волну возмущения в Иране. Ожидать иного было бы нелепо, поскольку в отношениях между Лондоном и Тегераном, как в капле воды, отражается вся двуличность, эгоизм и вероломство политики Запада в отношении Исламской республики. Подробности — в статье **«Роухани — Кэмерон: „историческая встреча“, обернувшаяся большим скандалом»**, которая открывает очередной, 37-й номер журнала «Современный Иран».

Собственно, это событие определило основное направление дискуссий об отношениях Ирана с Западом, которые получили свое отражение на страницах нашего журнала.

«Становится все более очевидным, что направленные на быстрое сближение с США и Западом шаги президента Хасана Роухани иногда не отвечают духу исламско-революционного курса Духовного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи. Особенно Духовный лидер не доволен тем, что, как стало известно из утечек в СМИ, Роухани якобы заключил соглашение (пока только устное), секретно подготовленное совместно с Соединенными Штатами и Европейским Союзом», — говорится в материале «Борьба за Иран разгорается». «Предпринимаемые сегодня администрацией Обамы шаги в отношении Ирана направлены в первую очередь на то, чтобы оторвать эту страну от России, с которой у ИРИ складываются, хотя и очень медленно, отношения стратегического партнерства. Для США здесь важно использовать Тегеран в борьбе за вытеснение РФ с европейского и мирового рынка газа, а также в плане понижения цен на нефть в целях ослабления российской экономики», — оценивает ситуацию автор материала «США начали схватку за Иран: что ждет Россию, если Иран уйдет?». «Все чаще можно слышать рассуждения о проамериканском крене внешней политики ИРИ», — отмечается в статье «Насколько опасен проамериканский крен Тегерана?», — и далее в ней дается развернутый прогноз политических и экономических последствий такого шага: «В целом, окончательное соглашение с Ираном и снятие всех санкций даст мощный стимул для иранской экономики. Так, Тегеран получит доступ примерно к \$100 млрд, замороженным в иностранных банках, а также миллиардные доходы за экспорт нефти. В то же время страны ЕС заинтересованы не только в получении иранских углеводородов, что позволит снизить газовую зависимость от России, но и готовы начать широкие инвестиционные проекты в Иране».

В целом же, выводы в отношении некоего «проамериканского крена» внешней политики Исламской республики явно преувеличены, — такой вывод сделан в материале **«Тегеран и Вашингтон: мифы и реальности „сближения“**», «поэтому американской пропаганде отсутствие реальных успехов на «иранском направлении» приходится заменять тиражированием мифов о „наметившемся сближении“».

И действительно, анализируя не декларации, а реальные шаги руководства Москвы и Тегерана, становится очевидным, что при всех сложностях, курс на партнерство, взятый нашими странами, развивается последовательно и поступательно, примером чему — состоявшийся в октябре визит секретаря российского Совета безопасности Николая Патрушева в Тегеран. Подробности — в редакционном комментарии **«К визиту Николая Патрушева в Тегеран»**, где подробно описано это событие.

Ведь при всей «заманчивости» западных предложений, их принципиальное отличие от ирано-российского партнерства заключается в том, что только на пути сотрудничества Москвы и Тегерана может быть достигнуто развитие наших стран и обеспечение региональной безопасности. Иран вполне вписывается в концепцию, изложенную недавно российским президентом Владимиром Путиным: *«И логичный путь — это кооперация стран, обществ и поиск коллективных ответов на увеличивающиеся вызовы, совместное управление рисками. Миру нужна правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию»*, — говорится в статье **«России нужен сильный и стабильный Иран»**.

Тем более, что угрозы, вызванные политикой Запада, являются для Москвы и Тегерана общими, что особенно видно на примере Каспия. *«Как минимум двое из „каспийской пятерки“ в результате закрученной Западом интриги не в состоянии выполнить этот важнейший пункт принятого в Астрахани политического заявления — о «неприсутствии на Каспийском море вооруженных сил» нерегиональных государств. И, по большому счету, для нас совершенно не важно, почему они не смогут это сделать — в связи с особенностями внешнеполитической ориентации или под давлением извне. „Клещи“ для российских и иранских интересов сделаны, а то, когда они сомкнутся, нанося максимальный ущерб интересам Тегерана и Москвы, — лишь вопрос времени»*, — считает автор материала **«Каспийские клещи для России и Ирана»**.

Если же брать ситуацию на Ближнем Востоке, то вполне очевидным, что именно внешняя политика США, построенная на иранофобии, привела к росту напряженности и разгулу терроризма в этом регионе. *«„Самая демократическая страна“ всегда стремилась стать „мировым жандармом“, единолично решающим, кого казнить, а кого жаловать субсидиями и политической поддержкой. Тегеран, после Исламской революции поднявший голос против этой вопиющей несправедливости мирового устройства, против узурпации Вашингтоном права решать за другие народы „что такое хорошо, а что такое плохо“, стал одной из главных мишеней необъявленной войны, которую Америка ведет по всему миру»*, — отмечается в статье **«Отец терроризма — американская иранофобия»**.

Делают ли из своих ошибок адекватные выводы Вашингтон и Брюссель? Ничуть, что ясно демонстрирует искусственное затягивание переговоров по иранской ядерной программе, анализ текущего состояния дел на которых предлагается в материале **«Итоги переговоров в Вене. Напряженность нарастает»**.

Для достижения нормализации с Ираном Вашингтон ни на шаг не намерен отступать от поддержки своих основных союзников в регионе, наиболее одиозным из которых, без всякого сомнения является Эр-Рияд. *«Безо всякого преувеличения можно сказать, что основная интрига американо-иранских*

отношений в последние месяцы разворачивается вокруг вопроса о том, примет ли Тегеран участие в создаваемой Соединенными Штатами антитеррористической коалиции, уже заслужившей ироническое название „коалицией кающихся“, — отмечается в статье **«Ирано-саудовское „потепление“: пустынные миражи»**, — но «версии о том, что сближение между Тегераном и Эр-Риядом может произойти на почве общих операций против ИГИЛ в свете этого, как и множества других столь же пикантных эпизодов, выглядят откровенно надуманными, поскольку действуя „плечом к плечу“ с тем, кто еще вчера вооружал и финансировал джихадистов, ни на минуту нельзя быть уверенным, что завтра эти вчерашние союзники не договорятся между собой».

В этом — главная причина того, что Иран категорически отвергает свое участие в «коалиции кающихся». В редакционном комментарии **«Станет ли Иран участником антитеррористической коалиции»** четко говорится о том, что «партия саудитов и конечные цели, к которым стремится Эр-Рияд, участвуя в „коалиции кающихся“, особого секрета для иранского руководства не представляет. Для Тегерана участвовать в этом саудовском сценарии означает добровольно рыть для себя могилу, причем свою же лопатой. Нужно ли это Ирану, согласен ли он на это? Вопрос, думается, риторический».

Внимательно отслеживая все нюансы российско-иранских отношений и процессы, происходящие между Тегераном и Западом, редакция «Современного Ирана», разумеется, не обходит вниманием и события, которые напрямую затрагивают интересы Исламской республики в казалось бы малозначимых с геостратегической точки зрения регионах. Примером этого является материал **«Йемен в фокусе борьбы между США, Саудовской Аравии и Ираном»**, в котором дан детальный анализ ситуации в стране, раздираемой многочисленными противоречиями и гражданской войной. «В любом случае, в случившемся в Йемене во многом виновата политика США на Ближнем Востоке. Именно Америка вывела на политическую арену суннитских радикалов в лице „Аль-Каиды“ и „Талибана“, а затем и ИГ. В Вашингтоне же поддерживают монархов Персидского залива, которые являются приверженцами салафизма и радикального суннитского ислама, донорами экспорта «цветных революций» за рубеж. Но именно оказывая поддержку суннитам и способствуя распространению их влияния, в том числе в борьбе против шиитов и Ирана, США невольно сплотили ряды шиитов в их противостоянии суннитам. Вооружая суннитов в Персидском заливе, США обложили шиитский Иран санкциями, чтобы лишить его права на разработку атомной энергетики. Развернутая США агрессия против Сирии во главе с Б.Асадом, представителем алавитского (шиитского) клана, тоже напрямую связана с борьбой с шиизмом, чтобы подыграть суннитским монархам Саудовской Аравии и карликового Катара, которые американцы используют в нынешней нефтегазовой войне против России», — отмечает автор материала.

В завершение нашего краткого обзора статей, предлагаемых новым, 37-м по счету номером журнала «Современный Иран», необходимо отметить, что при всей нестабильности ситуации в регионе и мире, при всех хитросплетениях и интригах в отношении Тегерана, Москвы и других столиц, наши читатели могут быть уверены в одном — обо всех подробностях важнейших событий они всегда узнают одними из первых. Эта принципиальная позиция редакции остается неизменной при любом развитии международной обстановки.

Игорь Николаев

Роухани — Кэмерон: «историческая встреча», обернувшаяся большим скандалом

«Историческая встреча» президента Хасана Роухани и британского премьера Дэвида Кэмерона, прошедшая на полях Генеральной ассамблеи ООН, первая встреча лидеров двух стран с 1979 года, обернулась скандальной историей, вызвавшей небывалую волну возмущения в Иране. Ожидать иного было бы наивно, поскольку в отношениях между Лондоном и Тегераном, как в капле воды, отражается вся двуличность, эгоизм и вероломство политики Запада в отношении Исламской республики.

Год назад, перед началом визита Хасана Роухани и Джавада Зарифа в Нью-Йорк на Генеральную ассамблею ООН, к ним публично обратились представители Корпуса стражей исламской революции с призывом соблюдать максимальную осторожность в предстоящих переговорах с Западом и «не попасть в сети циничных и запутанных заговоров Белого дома». В нынешнем году Верховный лидер Али Хаменеи хоть и пожелал президенту успехов во время его поездки на Генеральную ассамблею ООН, но накануне выступил с жесткой критикой тех, кто рассчитывает на некое «соглашение» и «совместное участие Тегерана и Вашингтона» в борьбе с Халифатом аль-Багдади в Сирии.

«Исторический» телефонный разговор, состоявшийся в прошлом году между иранским президентом и Бараком Обамой не повлек за собою сколько-нибудь значимых последствий для разрядки напряженности в отношениях Ирана и Запада, а по прилету в Тегеран Хасан Роухани «удостоился» запущенного в него в аэропорту ботинка из толпы встречавших. В нынешнем году обошлось без швыряния обуви, но политический ущерб, нанесенный авторитету иранского президента откровенной «подставой» со стороны британского премьера, куда как существеннее.

В ходе часовой беседы между иранским президентом и британским премьером, беседы, действительно могущей иметь серьезные политические последствия и для нормализации ирано-британских отношений, и для вопросов безопасности региона, и, наконец, для, без всякого преувеличения, европейской экономики, Кэмерон много и хорошо говорил о необходимости сотрудничества. Но не прошло и суток, как с трибуны Генеральной ассамблеи ООН британский премьер обвинил Иран в поддержке междуна-

родного терроризма, в нежелании договариваться по поводу ядерной программы и в нарушении прав человека в собственной стране, самое тяжелое, с точки зрения Запада, обвинение, после которого страна, на которую наклеен подобный ярлык, почти автоматически становится «изгоем» в глазах пресловутого «международного сообщества».

Впрочем, в своем выступлении британский премьер сделал и широкий жест «доброй воли», но сделал это столь оскорбительно и высокомерно, что лучше бы уж, как говорится, промолчал. «Ирану должна быть предоставлена возможность показать, что он может быть частью решения, а не частью проблемы», — на чистом, что называется, глазу заявил Кэмерон в отношении страны, которая по факту находится сегодня на переднем крае борьбы со взращенным Западом исламистским экстремизмом, оставаясь при этом оазисом стабильности и безопасности в охваченном террористическим пожаром регионе. То есть, по его логике, именно Иран — это проблема! Это усилия Ирана по борьбе с терроризмом, поощряемым Вашингтоном, Тель-Авивом, Лондоном и Эр-Риядом — проблема! Решить которую Тегерану предлагается фактической капитуляцией перед Западом и покорным следованием в русле экспансии новой версии колониализма.

Из истории британской иранофобии

В беседах с иранцами из самых различных социальных слоев неоднократно приходилось подмечать одну интересную особенность: в общественном сознании Ирана отрицательное отношение к Великобритании — чувство куда более сильное, чем негативные эмоции в отношении тех же США. Что совершенно неудивительно, поскольку без малого четыреста лет — с 1616, года дебюта Ост-Индской компании в Персии, положившей начало попыткам колонизации Ирана — Британия рассматривала Иран именно в качестве своей колонии, беззастенчиво грабила страну и высасывала все соки из народа. Четыреста лет Иран и его ресурсы рассматривались Лондоном как принадлежащий ему по праву сильного «приз», единственное назначение которого — удовлетворять потребности Британской империи.

А когда иранцы пытались встать на защиту национальных интересов, джентльмены тут же «демонстрировали оскал». Нелишним будет напомнить, что главную роль в свержении правительства Моссадыка, пытавшегося национализировать нефтяную отрасль, сыграла именно Англо-персидская нефтяная компания (родительница нынешней ВР), профинансировавшая операцию «Аякс». Но это — дела полувековой давности, стоит ли ворошить прошлое? Например, вспоминать историю 1980 года, когда в ходе теракта, задолго до Аль-Каеды и прочих, иранское посольство в Лондоне было захвачено, а два сотрудника диппредставительства были убиты. Или еще раз освежить в памяти тот факт, что в ходе агрессии Ирака в 1980–1988 годах, Британия поддерживала Саддама, демонстрируя при этом двойные стандарты своей политики в полной их «красоте»: на официальном уровне объявив о нейтралитете и введя эмбарго на поставки техники воюющим сторонам, а в реальности активно снабжая иракские войска оружием и снаряжением. Не будем об этом и многом другом, ставшем уже достоянием архивов, потому как и более близкие к нам события, происходившие в последние годы, иначе как откровенной враждебностью и иранофобией не назовешь.

2006 год — королева демонстративно возводит в рыцарское достоинство диссидента Салмана Рушди, нанесшего беспрецедентные оскорбления чувствам мусульман.

2007 год — 8 служащих британских ВМС и 7 морских пехотинцев на двух катерах, состоящих на вооружении военно-морского спецназа, «случайно заблудились» в иранских территориальных водах. В этот же год их «сухопутные» коллеги осуществляют диверсионно-разведывательные рейды в юго-восточном Иране.

2009 год — Великобритания осуществляет прямое финансирование «зеленой оппозиции», устроившей массовые беспорядки в Тегеране и готовившей переворот, остановленный, кстати, самим же иранским населением, однозначно вставшим на сторону правительства.

Приход в 2010 году к руководству британской внешней политики Уильяма Хейга и его заместителя по ближневосточным делам Алистера Баррета, которые до своего назначения в Форин Офис являлись членами группы «Консерваторы — друзья Израиля» в британском парламенте, ничего хорошего для ирано-британских отношений не принесли. Отбросив всякую сдержанность, Лондон стал одним из наиболее активных членов антииранской коалиции и проводником жесткой линии в отношении Ирана в ЕС. Тогда же посольство Великобритании в Тегеране, в полном соответствии с избранным Лондоном жестким курсом, начало проводить политику ограничения выдачи виз, а в аэропортах Великобритании начали отказываться заправлять иранские пассажирские авиалайнеры, что выходило даже за рамки односторонних санкций ЕС. Почти миллиард фунтов иранских активов, замороженных английскими банками по весьма надуманным мотивам, лишь дополняют этот список враждебных действий Лондона против Тегерана.

Маневры и капканы Даунинг-стрит для тегеранских «политических романтиков»

Но вот что характерно — проводя откровенно враждебную и иранофобскую политику, британские политические элиты крайне болезненно, точнее откровенно истерично реагировали на самостоятельные шаги Ирана, всегда стремились оставить последнее слово в ирано-британских отношениях за собой. С житейской точки зрения, это напоминает поведение склочной и стервозной бывшей жены в отношении бывшего уже мужа — отношения разорваны, все решено, но она продолжает вредить за спиной, «на людях» демонстрируя готовность «все простить».

Впрочем, за демонстративными шагами из серии «все прощу», к которым с полным основанием можно отнести и телефонный звонок британского министра иностранных дел Уильяма Хейга своему иранскому коллеге в сентябре прошлого года и состоявшиеся в это же время контакты в направлении восстановления дипломатических отношений между Тегераном и Лондоном, стояла отнюдь не «добрая воля», а весьма солидный финансовый интерес. Емкость иранского рынка для Великобритании и ЕС оценивается в сумму от 40 до 60 миллиардов долларов, а кроме того, британские политические и экономические элиты всерьез озабочены реализацией плана по

вовлечению финансов и экономик мусульманских стран и стран Юго-Восточной Азии в дело «восстановления экономики Великобритании».

Темпы роста исламских финансов в мире уже сейчас на 50% превышают рост традиционных банковских услуг. Так называемые «исламские окна» в настоящее время открыты в 110 банках мира, причем 20 из них — в Великобритании. Согласно прогнозам, глобальные исламские инвестиции к 2014 году превысят цифру в 1,3 триллиона долларов. И, разумеется, Лондону очень хотелось бы, чтобы значительная часть этих исламских инвестиций шла в Великобританию. Без нормализации отношений с Ираном, без экспансии на огромный энергетический и потребительский рынок Исламской республики реализовать данный план Британии будет сложно. А потому — начинаются маневры в отношении Тегерана, которые и демонстрирует Лондон.

Перед нами — типичная для британской дипломатии игра, в которой некие «моральные» принципы с легкостью приносятся в жертву экономическим и текущим — антитеррористическая коалиция Запада против Халифата — интересам Великобритании. Причем, отношения с другой стороной строятся по принципу «кнута и пряника». В итоге — Лондон получает политические и экономические преференции, а остальные — запоздалое понимание того, что никакого равноправного диалога и не было, была лишь череда уступок в обмен на туманные британские обещания. Заманить Тегеран призрачными посулами, заставить его пойти на уступки — и ничего не дать взамен. Именно так выглядит схема, по которой действовал Кэмерон в беседе с Роухани.

Но находятся в Тегеране, как, впрочем, и в остальном мире, те, кто эту игру воспринимает всерьез. Те, кто то ли по политической наивности, то ли в силу принадлежности к прозападной «пятой колонне», вопреки прямым указаниям Верховного лидера Али Хаменеи о недопустимости сотрудничества Тегерана с Вашингтоном в рамках создаваемой США «антитеррористической коалиции», посылает на Запад сигналы о возможности диалога по данному вопросу. В оправдание своих действий они уверяют, что делают это для того, чтобы ускорить снятие санкций, рассчитывая на «податливость» своих противников, именно противников, а не оппонентов, на переговорах. Заканчиваются подобные «исторические шаги» скандальными историями, политическими спекуляциями, ущербом авторитету Ирана на международной арене.

Так было не только в истории с Кэмероном, но и после недавней встречи Джавада Зарифа с Джоном Керри, после которой американская сторона распустила слухи о том, что якобы второй темой их разговора в Нью-Йорке (первая, разумеется — ядерная программа) была обстановка в Ираке и Сирии и что, дескать, некие «высокопоставленные чиновники в Тегеране согласны с тем, что Иран должен играть более активную роль в борьбе с суннитскими боевиками, но надеется в обмен на свою помощь получить некоторые уступки от Белого дома».

Так же получилось и после встречи Хасана Роухани с президентом Австрии Хайнцем Фишером, когда слова иранского президента о том, что «Иран обладает уникальным статусом с точки зрения энергетической сферы, поэтому может быть надежным источником энергии для Европы» были тут же истолкованы как стремление Тегерана стать стратегическим конкурентом

России на газовом рынке, как намерение в союзе с ЕС и Турцией построить альтернативную российской сеть поставок энергоресурсов на Запад.

Любая искусная дипломатия бессильна перед двуличием и лицемерием Запада, и история с переговорами Роухани и Кэмерона — яркое тому подтверждение. Перспективы нормализации отношений Тегерана что с Лондоном, что с Вашингтоном носят откровенно размытый характер, являются предметом интриг и игры, исключающей возможность стратегических договоренностей между Ираном и Западом по важнейшим региональным проблемам. США и Запад никогда не станут не только стратегическими, но даже и надежными партнерами Тегерану, поскольку у них совершенно другие ценности и конечные цели, одна из которых, остающаяся неизменной вот уже 35 лет, — смена режима в Исламской республики. Все разговоры о «сближении», «прорывах» и «новых горизонтах» — это только и исключительно интрига Большой Игры, которую ведет Запад. И участие в этих интригах — либо глупость, либо предательство — так и только так должна выглядеть в глазах патриотической части иранского общества оценка местных чиновников, того же министра нефти Бижана Намдара Зангане, которые стремятся «поиграть» в эти интриги. Сдержанность и настороженность, а главное не верить и не просить — вот что должно быть основными принципами диалога с Западом.

И для самых убежденных сторонников «диалога с Западом» в Иране, и для международной общественности скандальная история с Дэвидом Кэмероном должна послужить серьезным уроком: Запад в диалоге с Исламской республикой предпочитает держать Тегеран на «коротком поводке», лгать и лицемерить. И нет никаких оснований рассчитывать на то, что в обмен на уступки с иранской стороны в ответ последуют не слова и обещания, а реальные и адекватные встречные шаги по восстановлению отношений в экономических и политических сферах.

Игорь Панкратенко

Ирано-саудовское «потепление»: пустынные миражи

О тметка на политическом термометре, показывающая градус ирано-саудовских отношений, уже три десятилетия показывает даже не ноль, а ниже нуля. «Холодная война» между Тегераном и Эр-Риядом, между Исламской республикой и Королевством Саудовская Аравия, стала реальностью, которая во многом определяет ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке — везде, где сталкиваются интересы двух этих государств — от Аравийского полуострова до Пакистана. На полях Генеральной ассамблеи ООН министр иностранных дел Королевства Сауд аль-Фейсал пригласил Джавада Зарифа посетить в ближайшее время Эр-Рияд. Означает ли это, что нормализация ирано-саудовских отношений, о необходимости которой Хасан Роухани говорил с первых дней своего президентского срока, станет реальностью?

В кулуарах Генеральной ассамблеи вопросы о перспективах отношений между Тегераном и Эр-Риядом поднимался неоднократно, что вполне объяснимо, поскольку именно в плоскости ирано-саудовской «холодной войны», инициатором которой была именно династия саудитов, лежит ключ к решению многих региональных проблем. В том числе — борьбы с Халифатом, который вопреки американским бомбардировкам достаточно комфортно чувствует себя над подконтрольными ему территориях Сирии и Ирака.

Ответы, которые на эти вопросы давали и Хасан Роухани, и Джавад Зариф, были хоть и сдержаны, но достаточно оптимистичны. На официальном завтраке для представителей СМИ иранский президент заявил, что «Саудовская Аравия является ключевой страной региона, но отношения с ней находятся не на том уровне, которого ожидает иранский народ. Я считаю, что эти отношения заслуживают того, чтобы быть теплее». Соблюдая определенную осторожность и сдержанность в оценках той политики Эр-Рияда и Вашингтона, которая, собственно, и привела к нынешнему кризису в регионе, и Хасан Роухани, и Джавад Зариф все же не удержались от выдачи определенного политического аванса, намекнув по итогам встречи с аль-Фейсалом о некоем «сближении позиций» двух стран и перспективах того, что «в ближайшие несколько месяцев отношения между Тегераном и Эр-Риядом несколько потеплеют».

Стоит ли воспринимать данные оптимистичные авансы всерьез или все же перед нами следование классическому принципу «язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли»? В начале своего президентского срока

Хасан Роухани неоднократно заявлял о том, что нормализация отношений как с Саудовской Аравией, так и остальными монархиями Персидского залива является одной из первоочередных задач иранской внешней политики. Уже тогда эти заявления воспринимались наблюдателями достаточно скептически, поскольку интересы Тегерана и Эр-Рияда не просто не совпадают, но и от Аравии до Сирии, от Ливана до Пакистана абсолютно противоположны, вступают в бескомпромиссную борьбу. Прошедший год только подтвердил вывод о том, что противоречия между Исламской республикой и Королевством не только не ослабнут, но еще больше обострятся.

Иранофобия как способ сохранения дряхлеющей династии

Четыре десятилетия щедро спонсируя экспансию ваххабизма и исламистского радикализма во всем мире, династия Саудов вряд ли до конца понимала, что «зло на экспорт» бумерангом к нему и вернется. Обвинения королевского дома в «приверженности западным ценностям» и, соответственно, «предательстве идеалов ислама» звучали давно, но до поры от них удавалось откупиться. Однако, и сами «джихадисты» в своем идеологическом развитии на месте не стояли. Даже Усама бен Ладен порвал с династией после того, как Королевство в борьбе с Ираком сделало ставку не на мобилизацию исламской уммы против «диктатора», а на приглашение на «землю двух святынь» американских войск. Но выражать открыто свою враждебность Эр-Рияду он все же не спешил.

Но сегодня среди радикалов-исламистов победила точка зрения конкурента бен Ладена, Абу Мусабы аль-Заркави, погибшего в 2006-м году, который считал, что «острие джихада» должно быть направлено в первую очередь против «ближнего врага», против режимов мусульманских стран, поскольку они, по мнению покойного, все как один враждебны «истинному исламу» в его салафитском толковании. Замечу, что подобный взгляд на вещи вполне устраивает тех на Западе, кто использует «исламистскую карту» в целях переформатирования Ближнего и Среднего Востока, кто с помощью «исламистского террора» реализует собственные внешнеполитические сценарии. Но саудитам от этого не легче, поскольку основная масса «джихадистов», «пушечное мясо», щедро расходуемое закулисными кукловодами в своих, ничего общего не имеющих с истинным Исламом, интересах, убеждена, что династия «хранителей двух святынь» состоит из вероотступников и не имеет никаких прав не только на лидерство в мусульманском мире, но и на существование вообще.

Смертельно опасный для саудовской династии поворот в умах «джихадистов» совпал с серьезным кризисом в самом Королевстве и союзных с ним монархиях Персидского залива. Благодная картинка социальной гармонии, которую «выдают» местные масс-медиа, сообщения о суммах макрамата (социальных дотаций), способных поразить среднестатистического европейца, не говоря уже о россиянине, — это фасад, за которым скрывается кризис и рост протестных настроений, особенно среди молодежи. Кампания «саудизации», то есть существенного ограничения количества мигрантов, особенно — низкоквалифицированных, в силу своей непродуманности стала «бомбой замедленного действия», отсчет часового механизма которой уже начался.

Выход из этого кризиса династия видит только в одном — в истеричной и параноидальной иранофобии, в эксплуатации образа внешнего врага, которым давно и бесповоротно назначен Тегеран. В практической же плоскости это означает разжигание «суннито-шиитского противостояния», в огне которого, как надеются в Эр-Рияде, погибнет большинство недовольных королевским домом. Отказаться от иранофобии для саудитов означает оказаться между молотом и наковальней, между натиском тех, кого Эр-Рияд вчера вооружал и снабжал деньгами, и тех масс недовольных коренных жителей Королевства, кто считает, что династия прогнила до основания и требуются радикальные структурные изменения в политической системе страны, где естественно нет места династии Саудитов.

Ирак, Сирия, Бахрейн, Йемен — и далее...

При таких реалиях вопрос о том, может ли королевская династия саудитов пойти на нормализацию отношений с Тегераном, приобретает совершенно риторический характер, поскольку ответ здесь — «может, но тогда в скором времени погибнет». А поскольку склонности к коллективному политическому самоубийству у представителей дома Саудов пока не наблюдается, то совершенно ясно, что и вчера, и сегодня, и завтра Эр-Рияд будет раскручивать маховик суннито-шиитского противостояния и антииранских акций. При этом требуя того же самого от Вашингтона и вступая в самые невероятные альянсы, вроде финансирования совершенно светской парламентской коалиции в Ливане и одновременно спонсирования ИГИЛ. С которым сегодня, как выясняется, намерен «бороться плечом к плечу» с остальными участниками сколачиваемой Вашингтоном антитеррористической коалиции, метко и исчерпывающе названной «коалицией кающихся», поскольку каждый ее член замаран в финансировании террора.

Нелишним будет напомнить об одном эпизоде, имевшем место в начале нынешнего года. 30 декабря 2013 года в иракской провинции Анбар активисты ИГИЛ, опираясь на местные племена арабов-суннитов, подняли мятеж. Всего за четыре дня боевики установили контроль фактически над всем «суннитским треугольником» Ирака и впервые провозгласили «исламский халифат» на захваченной территории. Тогда мятеж был подавлен, а один из захваченных в ходе этого подавления полевых командиров дал показания о том, что деньги на организацию мятежа и широкомасштабное наступление против «шиитского» правительства аль-Малики, 150 миллионов долларов, ИГИЛовцы на протяжении почти четырех лет подряд исправно получали от представителей саудовских спецслужб. Власти Ирака довели эту информацию до сведения главы ООН Пан Ги Муна, который, под давлением неопровержимых доказательств, впервые вынужден был согласиться рассмотреть вопрос деятельности Саудовской Аравии на стезе содействия исламским радикалам. Впрочем, дальше «заявлений о намерениях» дело не пошло, поскольку именно в это же самое время западные делегации в ООН делали все возможное, чтобы заблокировать предложенную Москвой, которая согласовала этот свой шаг с Тегераном, Дамаском и Пекином, резолюцию о борьбе с источниками финансирования террористов.

Версии о том, что сближение между Тегераном и Эр-Риядом может произойти на почве общих операций против ИГИЛ в свете этого, как и множе-

ства других столь же пикантных эпизодов, выглядят откровенно надуманными, поскольку действуя «плечом к плечу» с тем, кто еще вчера вооружал и финансировал джихадистов, ни на минуту нельзя быть уверенным, что завтра эти вчерашние союзники не договорятся между собой.

В глазах саудитов Тегеран — абсолютное зло, такое, что для борьбы с ним для Королевства, на словах отстаивающего интересы палестинцев, можно совершить немыслимое — пойти на союз с Израилем, оформленный в виде секретных договоренностей по самому широкому кругу проблем — от Хезбаллы, Ливана и Сирии до палестинского и египетского вопросов. И с позиций Эр-Рияда, и с позиций Тель-Авива, ничего противоестественного в этом альянсе, в регулярных консультациях и совместных операциях спецслужб в отношении тех же «братьев-мусульман» не существует. Обвинения в лицемерии со стороны мусульманского мира дом Саудов как-нибудь переживет, а вот шиитское «исламское пробуждение» может закончиться для него физическим устранением с политической арены. Аналогичная ситуация и в Израиле. Союз с мусульманскими фундаменталистами, которые до сих пор публично рубят головы преступникам и запрещают женщинам ездить за рулем автомобиля, — меньшее зло по сравнению с усилением Ирана, который хорошо помнит, какие ближневосточные государства являются движущей силой и необъявленной войны, и калечащих санкций Запада против Исламской республики.

Оставшиеся почти незамеченными события последних дней в Йемене, где шииты из «Анасарулла» взяли под свой контроль столицу страны — Сану, а «переходный президент» Абд-Раббу Мансур Хади, сохранявший власть только при поддержке Эр-Рияда, его союзников — монархий Персидского залива и западных нефтяных корпораций, заявил, что за спиной «Ансаруллы» и лидера шиитов-зейдитов Абдель-Малика аль-Хуси стоит Иран, — вновь означают столкновение интересов Тегерана и Эр-Рияда в этой геостратегически важной точке. Разумеется, в йеменской ситуации есть ряд нюансов, но в целом победа «Ансарулла» означает «шиитский» вызов для саудитов. А ведь есть еще и Бахрейн, и Ливан, и другие конфликтные зоны...

Поразительно, но после встречи Зарифа с аль-Фейсалом и, замечу, после отгремевшего скандала с Кэмероном в Иране нашлись специалисты, заговорившие о возможности серьезной нормализации отношений с Эр-Риядом. Важно, дескать, не наличие противоречий, а «возможность их решения на компромиссной основе». Нисколько не удивлюсь, если через некоторое время и в российских СМИ, так любящих тиражировать всевозможные измышления об Иране, появятся сообщения о неких «договоренностях между Тегераном и саудитами». Вопрос только в том, что «компромисс с Ираном» для Эр-Рияда возможен только в том случае, если Тегеран полностью капитулирует и сдаст все свои позиции в регионе. А это уже из области фантастики. Противоречия между странами, осложненные паталогической саудовской иранофобией, столь глубоки, что ни на какую нормализацию в ближайшее время рассчитывать не приходится. И реалисты, которых в иранском руководстве большинство, это прекрасно понимают.

Станет ли Иран участником антитеррористической коалиции?

Безо всякого преувеличения можно сказать, что основная интрига американо-иранских отношений в последние месяцы разворачивается вокруг вопроса о том, примет ли Тегеран участие в создаваемой Соединенными Штатами антитеррористической коалиции, уже заслужившей ироническое название «коалицией кающихся». Поток противоречивых слухов и сплетен в западных масс-медиа, возникающих всякий раз после высказываний на эту тему кого-либо из иранского руководства, показывает, что Белый дом крайне заинтересован в том, чтобы — хоть прямо, хоть косвенно — втянуть Тегеран в свою авантюру. Столь же заметно, что, вопреки намекам Вашингтона на некие благоприятные для Ирана последствия такого шага в будущем, Тегеран совершенно не намерен таскать для Белого дома каштаны из огня пожара, разгоревшегося на Ближнем Востоке.

Начиная с 8-го августа нынешнего года, Соединенные Штаты совместно со своими ближневосточными союзниками по коалиции из числа монархий Персидского залива совершили 304 авианалета на позиции боевиков «Исламского государства» в Ираке, а с 23-го сентября — 118 авиаударов по сирийской территории. Словом, у администрации Обамы было достаточно времени и разведывательных отчетов по результатам бомбардировок, чтобы понять ту простую истину, которая для любого здравомыслящего наблюдателя была очевидна с самого начала, что никакие авиаудары решить проблему с халифатом исламистов не в состоянии. И то, что к воздушной операции США и монархий Залива присоединились французские и британские ВВС, более успешной ее не сделает.

Собственно, произошло то, о чем во время своего сентябрьского визита в Нью-Йорк предупреждал международное сообщество глава иранского МИДа Джавад Зариф, заявивший тогда о серьезных сомнениях Тегерана в «готовности и способности США адекватно отреагировать» на исходящие от боевиков халифата угрозы, поскольку «это очень мобильная организация» и одними бомбардировками здесь ничего не решить.

Администрация Обамы за последние два месяца трижды предпринимала попытки через своих официальных представителей «заинтересовать» Тегеран участием в операции против «Исламского государства», через госсекретаря Керри, посла США в Багдаде и американских представителей на переговорах по иранской ядерной программе, и трижды получала достаточно жесткий отказ. Как сказал духовный лидер Ирана Али Хаменеи: «Мы

ответили нет потому, что у них грязные руки», а чуть позже Джавад Зариф без обиняков и достаточно эмоционально растолковал, что это выражение означает: «Террористы пришли не из Ирана, а из стран, которые сидели за столом конференции в Париже... Большинство участников «коалиции кающихся» в той или иной мере участвовали в процессе создания и поддержки ИГИЛ, создавая этого Франкенштейна, который сейчас начал преследовать своих создателей».

После столь жестких оценок слухи и сплетни в СМИ о возможном участии Ирана в «антитеррористической коалиции 2.0» (первая, как помнит читатель, была создана США после событий 11 сентября 2001 года) следует воспринимать или как дезинформацию, или как способ пропагандистского давления на Тегеран. И уж с откровенной брезгливостью стоит воспринимать подленькие советы ряда зарубежных и отечественных «экспертов», рекомендующих и Тегерану, и Москве поучаствовать в этой «коалиции кающихся», заслужив таким образом благосклонность Вашингтона и возможность (подчеркиваем — только лишь возможность) смягчения его откровенно антироссийской и антииранской политики. Эти «советчики» то ли в силу своей некомпетентности, то ли отрабатывая политический заказ, замалчивают главное: стержнем или, если угодно, мотором «коалиции кающихся» является дуэт американских «ястребов»-республиканцев, военно-промышленного комплекса, разведки и Пентагона и Эр-Рияда. То есть глубоко враждебных и России, и Ирану сил, конечные цели которых ничего общего с интересами Москвы и Тегерана не имеют.

Корыстная партия саудитов

Официальные представители королевского дома Саудитов, от министра иностранных дел до министра дел внутренних, в последние месяцы сделали немало заявлений о своей готовности решительно бороться с «экстремизмом» и «исламским государством», который, по их словам, «никакого отношения к Исламу не имеет». Но эти громкие заявления имеют очень мало общего с той беспрецедентной и массовой поддержкой, которую «Исламское Государство» «халифа» аль-Багдади имеет и среди саудитов, и среди кувейтцев, и среди населения других стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), включая Иорданию.

В июле 2014 года, еще до начала американских воздушных ударов по позициям боевиков халифата, опрос, проведенный влиятельным панарабским изданием «Аль-Хайят», показал, что 92% (девятьюстами два!) граждан Саудовской Аравии считали, что деятельность ИГ «соответствует исламским ценностям и нормам исламского права». Объявленный в Кувейте «благотворительный марафон по сбору средств для джихада в Сирии» за пять дней принес 14 миллионов (!) долларов наличными. Сотни молодых иорданцев и выходцев из других монархий «едут на джихад», вступают в ряды боевиков халифата, совершенно не обращая внимание на призывы официальной пропаганды своих стран и угрозы властей тюремными сроками для джихадистов.

Для Эр-Рияда халифат аль-Багдади — в первую очередь конкурент за влияние среди суннитов, война «Исламского Королевства» с «Исламским Государством» — это отнюдь не «война с террором», а ожесточенная борьба за власть, ставка в которой — физическое выживание монархии.

Династия рассчитывает, что чужими руками, руками египетских военных, светских властей Ливана, суннитских общин Ирака и так далее, да еще и при военной поддержке США и его союзников по НАТО, ей удастся «зачистить» конкурентов в лице джихадистов и таким образом вернуть свое влияние и авторитет среди суннитов. Именно поэтому в рамках «антитеррористического» соглашения с США, которое было заключено в ходе визита Джона Керри 11 сентября нынешнего года в Джидду, саудиты настояли на том, что «работа с суннитскими общинами на всем Ближнем и Среднем Востоке», работа, включающая в себя формирование и финансирование вооруженных отрядов для борьбы с халифатом, будет исключительно прерогативой Эр-Рияда. И именно он, а не Вашингтон, будет определять, кого включать в список «союзников в борьбе с террористами», а кого, соответственно, в эти террористы записывать.

По сути, «продавив» это решение, саудиты застраховали себя на случай, если администрация Обамы опять начнет «лгать и запутывать», высказывать опасения по поводу «экстремизма» некоторых «борцов с кровавым режимом Башара Асада», которым сегодня представители саудовских спецслужб срочно меняют ориентацию, делая из них «борцов с террором». Поскольку, и это вторая часть соглашения Вашингтона с Эр-Риядом, следующим этапом «антитеррористической операции» должно стать свержение Башара Асада, цель, от которой саудиты не намерены отказываться ни при каких обстоятельствах, поскольку это будет сокрушительным ударом по позициям Ирана в регионе, фактическая победа в «холодной войне» между Королевством и Исламской республикой, идущей уже 35 лет.

Партия саудитов и конечные цели, к которым стремится Эр-Рияд, участвуя в «коалиции кающихся», особого секрета для иранского руководства не представляет. Для Тегерана участвовать в этом саудовском сценарии означает добровольно рыть для себя могилу, причем своею же лопатой. Нужно ли это Ирану, согласен ли он на это? Вопрос, думается, риторический.

Новый праздник американского ВПК — «день Антитеррора»

Деньги — это кровь любой войны и, одновременно, прекрасная смазка для политических механизмов, принимающих решение о ее начале. Когда на пресс-конференции 26 сентября министр обороны США Чак Хейгел заявил о том, что «при продолжении операций [против ИГИЛ — ред. Irap.ru] нам понадобится от конгресса дополнительное финансирование. И сейчас мы работаем с соответствующими комитетами, обдумывая вопрос о том, как добиться утверждения ассигнований и финансирования», лоббисты американского ВПК поняли, что для них наступил праздник. О сокращении бюджетной заявки Пентагона на 2015 финансовый год, особенно в таких «вкусных» для ВПК ее частях как «закупки вооружения и военной техники» и «материально-техническое обеспечение войск», которые регулярно сокращались с 2009 года, речи теперь не идет.

Уже через три дня после ракетных ударов по позициям боевиков халифата на севере Сирии Пентагон подписал с фирмой-производителем контракт на 251 миллион долларов о закупке дополнительных ракет «Томагавк». Компа-

ния «Боинг» готовится к всплеску продаж хвостовых комплексов для авиабомб, установка которых делает их управляемыми — 25 тысяч долларов за комплект, и уже оформляющие заказы на новые поставки представители Пентагона, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта, Катара и Бахрейна.

По оценкам американских аналитиков, воздушная война против халифата, а также снабжение принимающих в ней участие европейских и арабских союзников США, уже обошлась почти в один миллиард долларов, а дальше расходов будет еще больше — по прогнозу американского Центра стратегических и бюджетных оценок от 2,4 до 3,8 миллиардов долларов. Праздничное настроение охватило и Уолл-стрит, поскольку, по сообщениям прессы, акции крупных военных подрядчиков, таких как Raytheon, Lockheed Martin, Northrop Grumman и General Dynamics, поднялись почти до рекордной отметки, обогнав котировки 500 крупнейших корпораций из индекса Standard & Poor's.

Действия «антитеррористической коалиции» — настоящий праздник для военных подрядчиков, корпораций и лоббистов. Но Иран на этом празднике явно чужой. Ему компенсируют затраты на ведение боевых действий? Конечно же нет, поскольку он находится под действием санкций. С него снимут санкции за участие в коалиции? Опять нет, речь об этом даже не идет, поскольку тот же Керри ясно дал понять, что «участие Ирана в операциях против «Исламского Государства» никак не связано с переговорами по его ядерной программе». Единственное, что готов пообещать Вашингтон в случае участия Ирана — это «учесть его ответственную позицию в дальнейшем». То есть абсолютно ничего. Словом, Тегерану предлагают совершенно бесплатно и исключительно за свой счет «поработать» на Вашингтон и Эр-Рияд, «сдать» Асада и «вляпаться» в новый виток суннито-шиитского противостояния. И нужно быть уже совсем «продвинутым экспертом», чтобы всерьез говорить, что Ирану это выгодно и он, Иран, должен на это согласиться.

Собственно, Тегеран и Москва — далеко не единственные, кто не намерен поддерживать «антитеррористические» планы США на Ближнем Востоке. В 2001 году в создаваемую Вашингтоном коалицию по борьбе с международным терроризмом вступило около 90 государств. Прошло 13 лет, и в «антитеррористической коалиции 2.0» выразили желание участвовать в половину меньшее количество стран, причем большинство из них стремится ограничиться «моральной поддержкой». Афганистан, Ирак, Ливия, «арабская весна» и «исламистская осень» научили мир понимать истинное значение «борьбы с террором» и прочих словесных оборотов, которые бесперебойно и в больших количествах производит Белый дом и «фабрика Псаки-Керри» — американский Госдепартамент. Тегеран сегодня — на переднем крае реальной борьбы с экстремизмом и террором, он готов продолжать эту борьбу в тесном сотрудничестве с Москвой, Пекином, другими странами, но только не с «коалицией кающихся». Как видим, для такой позиции у него есть все основания.

Владимир Ефимов

Насколько опасен проамериканский крен Тегерана?

В отношении возможной модернизации нынешней политической системы Исламской республики и внешнеполитической линии президента Хасана Роухани накопилось значительное количество различных домыслов и спекуляций. Одни из них специально направлены на дискредитацию «революционного» характера исламского государства. Другие же — результат элементарного незнания. Возможно, наиболее распространенный пропагандистский шаблон — это якобы разделение политического класса в нынешнем Иране на «консерваторов» и «либералов». На самом деле это не совсем так, а вернее это даже совсем не так. Кроме того, все чаще можно слышать рассуждения о проамериканском крене внешней политики ИРИ.

Особенности иранской элиты

История успеха Ирана после исламской революции 1979 года обусловлена тем, что достаточно жесткая консолидированность элиты ИРИ вокруг базовых принципов парадоксальным образом не препятствует, а, наоборот, способствует интеллектуальной и политической борьбе в иранском обществе. Вопрос на самом деле не в остроте столкновений конкретных политических деятелей. К примеру, каждый раз выборы президента ИРИ приводят к формированию специфической политической культуры Исламской республики. Это всегда знаменует завершение важных и взаимосвязанных циклических процессов внутри правящего класса ИРИ накануне нового политического цикла. Во-первых, осуществляется комплексный, широкомасштабный анализ внешней и внутренней государственной стратегии за прошедшее время. Во-вторых, происходит очередной раунд согласования интересов различных влиятельных политических сил и центров влияния — различных групп высшего шиитского духовенства, Корпуса стражей исламской революции, остальных силовых структур, ключевых экономических институтов и прочее. Но в центре всех этих сложных открытых и конфиденциальных внутриэлитных процессов находится ключевая фигура Рахбара — духовного лидера страны, который собственно и гарантирует устойчивый баланс, динамичную координацию всей политической структуры нынешнего Ирана.

Исключительный статус в системе принятия решений в ИРИ нынешнего рахбара аятоллы Али Хаменеи определяется двумя обстоятельствами. Во-

первых, рахбар — это высший арбитр, и по своему политическому статусу, и по своему моральному авторитету в обществе, во взаимоотношениях между институциональными и элитными центрами в стране. И, во-вторых, именно духовный лидер отвечает в рамках данной политической системы за окончательное формулирование и реализацию общей государственной линии в предстоящий период. Кроме того, по своим личностным качествам аятолла Али Хаменеи принадлежит к числу очень редких сегодня мировых лидеров, которые обладают действительно стратегическим мышлением. Соответственно, любой избранный президент в Исламской Республике Иран как представитель коалиции определенных политических сил в стране не является реальным главой государства как такового. Фактически он лишь возглавляет систему исполнительной власти в Иране. В этом статусе президент ИРИ ответственен за проведение согласованной с высшим иранским истеблишментом внутренней и внешней политики. Но безусловным гарантом всей этой политической модели является именно духовный лидер.

Особый статус духовного лидера Ирана

У Рахбара есть многочисленные возможности для контроля за политической и общественной жизнью — как формальные (назначение членов ряда государственных институтов), так и морально-религиозные. Например, духовный лидер напрямую назначает часть членов Наблюдательного совета, который определяет финальный список кандидатов в президенты. Когда президент Хатами в середине 90-х годов посчитал, что с США надо договариваться, так как в Вашингтоне закончилась борьба относительно того, какой линии нужно придерживаться по Тегерану, выразителем противоположной линии стал рахбар — аятолла Хаменеи, который считал, что внутренняя борьба в высшем американском истеблишменте по поводу отношений с ИРИ не закончилась и будет продолжаться. И в этой ситуации, по его мнению, продемонстрировать свою готовность к переговорам и компромиссам означало показать свою стратегическую слабость. Последующие события показали, что именно Хаменеи оказался прав. А совсем недавно властолюбие Ахмадинежада, формирование им собственной властной группы, противостоящей другим, его стремление игнорировать точку зрения других элитных групп, в том числе самого рахбара, его попытка сформировать собственные правила политической игры вновь резко обострили ситуацию внутри иранского истеблишмента. Поэтому закономерно, что ставленник Ахмадинежада Машаи был исключен из списка кандидатов, участвующих в президентской гонке. Стало ясно, что кто бы ни стал новым президентом ИРИ в 2013 году, это будет политик, который существенно будет отличаться и от Хатами, и от Ахмадинежада. И самая главная причина заключается в том, что Исламская Республика Иран сегодня это уже совсем другая страна, нежели была в 1997 году и даже в 2005 году. Сегодняшний Иран — это фактически единственная региональная супердержава в зоне Ближнего и Среднего Востока. Тегеран это убедительно доказал, поскольку оказался

У Рахбара есть многочисленные возможности для контроля за политической и общественной жизнью

способным эффективно противостоять США в течение более тридцати лет. Как наиболее влиятельная сила в регионе, ИРИ способна формировать и укреплять свою сферу регионального влияния. Более того, как показывают нынешние события в Сирии и Ираке, Тегеран способен изменять региональный баланс сил в свою пользу, даже в казалось бы самых неблагоприятных условиях. Более того, Исламская Республика Иран имеет влиятельных глобальных партнеров в лице России и Китая, поскольку к такому партнерству подталкивают их взаимные стратегические интересы.

Почему налицо признаки улучшения американо-иранских отношений?

Почему же многие сделали вывод о том, что новый президент Роухани является проводником проамериканской линии? Ведь духовный лидер Ирана аятолла Хаменеи, трезво оценивающий происходящие события в регионе, согласился с его кандидатурой на пост президента, лояльного к Западу, который одержал уверенную победу. Дело в том, что несмотря на свою военную и экономическую мощь, Иран пока не способен адекватно отвечать на растущую мощь и амбиции арабского мира, прежде всего военно-политической группировки в лице ССАГПЗ, в регионе. При этом Тегеран также понимает, что в случае падения режима Асада будет обезглавлена и «Хизболла» — очень важный союзник в стремительно меняющемся регионе. В свою очередь, США также осознали всю опасность втягивания в авантюры Катара и Саудовской Аравии. Высокопоставленным лицам на Капитолийском холме приходилось искать адекватный ответ на вопрос: «Почему мы поддерживаем Аль-Каиду и другие террористические группы в Сирии?». Более того, летом с.г. на севере Сирии и на севере и в центре Ирака серьезно укрепились позиции террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта».

С геополитической точки зрения США также невыгодно чрезмерное усиление арабского фактора на Ближнем Востоке. Для поддержания баланса сил необходимо найти потенциального партнера, коим может стать именно Иран. В данном контексте стороны пытаются найти решение по проблеме разработки ядерного оружия. Сегодня для Тегерана самая главная задача — не допустить усиления Саудовской Аравии, Катара и радикальных суннитских групп, и для решения этой задачи Хаменеи готов идти на уступки. В свою очередь США готовы снять санкции против Ирана. Так, госсекретарь США Джон Керри недавно заявил: «Решение о снятии международных санкций, действующих в отношении Ирана, может быть принято в течение нескольких месяцев, но при условии, что Тегеран пойдет на сотрудничество и откроет доступ на все объекты своей ядерной программы международным инспекциям. Существует вероятность, что такая договоренность будет достигнута гораздо раньше. Все зависит от открытости и готовности Ирана». При этом сближение с Ираном позволит США значительно ослабить позиции России (сведя на нет все достижения по Сирии) не только на Ближнем Востоке, но и на Южном Кавказе и Каспии. В свою очередь для Ирана сближение с США означает определенное ослабление позиций не только арабского мира и Турции, но и Израиля. Неудивительно, что в Тель-Авиве весьма негативно восприняли диалог между Вашингтоном и Тегераном.

Обама не хочет конфликтовать с Ираном и ядерное оружие его тоже мало волнует: по большому счету, оно Америке не страшно. Он прекрасно понимает, что иранская, индийская, пакистанская, какая угодно атомная бомба против Америки направлена не будет, а отношения этих стран с соседями — это их проблемы, — полагают многие эксперты. Зато США и Иран могли бы сотрудничать против радикальных суннитских групп. 16 июня с.г. президент Ирана Хасан Роухани в своем выступлении относительно активизации террористов из организации «Исламское государство Ирака и Леванта» отметил, что Иран готов сотрудничать с США в борьбе против радикальных суннитских групп. «Все страны должны принять участие в совместной борьбе с терроризмом. Мы можем работать вместе с американцами над тем, чтобы покончить с беспорядком на Ближнем Востоке», — подчеркнул иранский президент.

Госсекретарь США Джон Керри и его иранский коллега Джавад Зариф на словах уверены в том, что Соединенные Штаты и Иран готовы в кратчайшие сроки согласовать оставшиеся пункты и подписать окончательное соглашение. Действительно, пять новых раундов переговоров «Шестерки» по иранской ядерной программе, которые начались в ноябре 2013 года в Женеве и закончились в июне в Вене, стали настоящим достижением для американской и иранской дипломатии. И, несмотря на то, что пакет санкций от 2012 года еще не отменен, Белый Дом закрывает глаза на отдельные крупные сделки иранских, американских и европейских компаний. Более того, после отмены отдельных санкций Иран увеличил доходы от нефти на \$10 млрд.

В целом, окончательное соглашение с Ираном и снятие всех санкций даст мощный стимул для иранской экономики. Так, Тегеран получит доступ примерно к \$100 млрд, замороженным в иностранных банках, а также миллиардные доходы за экспорт нефти. В то же время страны ЕС заинтересованы не только в получении иранских углеводородов, что позволит снизить газовую зависимость от России, но и готовы начать широкие инвестиционные проекты в Иране. В развитии альтернативного для Европы «трубопровода» заинтересована и Америка. Высокопоставленные иранские чиновники многократно заявляли, что Тегеран готов поставлять в Европу нефть и газ в необходимых объемах.

Цели Обамы

Экономическая выгода понятна, но встает вопрос: «Почему администрация Обамы, которая более года вела с Тегераном тайные переговоры, формирует подписание окончательного соглашения с Ираном?» Осенью текущего года в Америке пройдут промежуточные выборы в Конгресс. «Центр ответственной политики» по состоянию на сегодняшний день предсказывает Республиканской партии победу в обеих палатах Конгресса с 80% вероятностью. В данном контексте президенту Обаме необходимо завершить сделку с Ираном до промежуточных выборов, чтобы не позволить потенциальному республиканскому большинству принять новый пакет санкций, что сведет к нулю все достигнутые соглашения. С другой стороны, даже если республиканцы не станут предпринимать шаги по введению санкций, инициатива перейдет из рук администрации к Конгрессу. Вряд ли президент Обама

допустит, чтобы столь важное достижение, как разрешение конфликта с Ираном вокруг ядерной программы, республиканцы в дальнейшем приписали себе.

Второй фактор — это стремление США поддержать баланс между суннитским и шиитским миром на Ближнем Востоке. В последнее время Саудовская Аравия, будучи главным спонсором «арабской весны», активно способствует развитию радикального политического ислама в регионе. В данном аспекте чрезмерное усиление суннитского фактора ставит под угрозу национальные интересы США и безопасность ее союзников. При этом США не могут всерьез воспринимать гипотезы о сближении Саудовской Аравии и Ирана, которые являются прямыми политико-идеологическими конкурентами Ближнего Востока. И противостояние Эр-Рияда и Тегерана сводится не только к историческим конфликтам персов и арабов, шиитов и суннитов, но в значительной степени основаны на борьбе за геополитическую гегемонию в регионе. Фредерик Каган, американский политолог и советник бывшего директора ЦРУ Дэвида Петреуса, описывая противостояние Ирана и Саудовской Аравии, отмечает: «Противостояние Саудовской Аравии и Ирана сводится и к легитимности каждого из соперников. Исламская Республика оспаривает законность любой монархии и претендует на роль лидера мусульманского мира. А Саудовская Аравия видит в этом угрозу для своей позиции предводителя суннитов и осознает религиозный вызов, брошенный Ираном». Более того, Саудовская Аравия всерьез опасается, что Иран, окрепнув экономически, сможет вести более агрессивную политику. Таким образом, создается ситуация, в которой США должны, с одной стороны, повлиять на проводимую Эр-Риядом политику поддержки исламизации региона, а с другой стороны, Вашингтон должен дать саудовцам гарантии безопасности.

Не стоит, правда, забывать и то, что сделка США с Ираном приведет к кризису во взаимоотношениях с Израилем. Для администрации Обамы израильский вопрос не только внешний, но и внутренний. Для США Израиль — своеобразная витрина демократии, находящаяся в окружении враждебного исламского мира. Военная и политическая помощь США — это синоним поддержки фундаментальных ценностей, о которых американские политики говорят каждый день. Во внутривнутриполитическом контексте, как демократы, так и республиканцы должны учитывать фактор израильского лобби, которое является наиболее влиятельным в категории лоббистских групп Америки.

Одним словом, Белый Дом стремится завершить все переговоры с Ираном уже к концу ноября текущего года, чтобы предоставить Израилю гарантии того, что официальный Тегеран не стремится к созданию ядерного оружия. Более того, США придется пресечь поставки иранского оружия в сектор Газа. Но случится ли это — покажет только время. А главное — что в конечном плане скажет президенту Роухани великий аятолла Али Хаменеи.

Владимир Алексеев

США начали схватку за Иран: что ждет Россию, если Иран уйдет?

Еще в 2013 году, после избрания президентом Ирана Хасана Роухани США переходят к новой стратегии в отношении Тегерана. Задача — ослабить, а затем разрушить нынешнее государственно-политическое устройство страны, а также подчинить своему контролю гигантские нефтегазовые ресурсы ИРИ, превратив эту страну в послушный инструмент усиления американского господства в Персидском заливе, на Ближнем Востоке, на Южном Кавказе, в Каспийской зоне и в Центральной Азии. Ведь Иран — ключевая, региональная держава на пересечении этих регионов. А что если США удастся решить эту задачу, что станет с Россией с уходом этой гигантской страны, в том числе с ее интересами в Центральной Азии и на Большом Кавказе?

Основная цель Вашингтона

Предпринимаемые сегодня администрацией Обамы шаги в отношении Ирана направлены в первую очередь на то, чтобы оторвать эту страну от России, с которой у ИРИ складываются, хотя и очень медленно, отношения стратегического партнерства. Для США здесь важно использовать Тегеран в борьбе за вытеснение РФ с европейского и мирового рынка газа, а также в плане понижения цен на нефть в целях ослабления российской экономики. С появлением санкций против Москвы в связи с Украиной реализация этой задачи открыто осуществляется Обамой. Выброс иранской нефти на рынок после снятия с Ирана международных санкций на фоне того, что сами США и Саудовская Аравия уже увеличивают экспорт нефти, может привести к падению нефтяных цен до 75–80 долл. за баррель. Для российского бюджета — это сокрушительный удар, учитывая, что цена в бюджете РФ на 2015 год заложена в 90 долл. за баррель. А выход ИРИ на европейский рынок газа при том, что Ирак начнет его экспорт уже в 2016 году, станет новым мощным ударом по доходам России, 70% которых составляет продажа именно углеводородов. То есть Тегерану отводится роль своего рода Саудовской Аравии 1982–84 гг., когда США и КСА путем обрушения цен на нефть способствовали коллапсу советской экономики и распаду СССР. Эта линия во многом повторяет стратегию Рейгана, принятую в 1982 году на узком закрытом совещании высших чинов американской администрации.

Региональные комбинации США

Еще одно направление удара Вашингтона на иранском направлении — это избавление зависимости от других важных региональных игроков — Турции, Саудовской Аравии, Израиля и Египта, которые во многом перестали учитывать пожелания Белого Дома и проводят собственную политику на Ближнем Востоке. Кроме того, США очень важно ослабить опору Запада на энергетические поставки из арабских стран ССАГПЗ, прежде всего Саудовской Аравии, Катар, Кувейта и ОАЭ. Только Иран способен стать противовесом этим региональным полюсам влияния, тем более если будет действовать в унисон с Ираком, который обладает не меньшим нефтегазовым потенциалом. Совместно Иран и Ирак смогут экспортировать нефти не меньше, чем Саудовская Аравия, и газа — не меньше чем Катар. А Турция со своими неоосманскими амбициями и Египет, как традиционный политический лидер арабского мира, вынуждены будут учесть иранский фактор в американском распределении ролей в регионе Большого Ближнего Востока. Равно как и Израиль с его лобби в Вашингтоне.

Задача номер три — с помощью Ирана решить сирийский и иракский вопрос в своих интересах, равно как и обуздать «Хизбаллу» ради Израиля, что должно стать некоторой компенсацией Тель-Авиву за американо-иранское сближение и уступки Вашингтона по ядерной программе ИРИ. Уже всем ясно — ядерная программа Тегерана мало волнует Вашингтон. Ведь она не направлена против США. Зато утихомирит региональных игроков типа Саудовской Аравии и Израиля, которые будут вынуждены усиливать свою опору на гарантии безопасности со стороны Вашингтона. И скорее всего, американцы договорятся с ИРИ по его ядерной программе к концу ноября с. г., после чего антииранские санкции будут сняты, что даст ИРИ доступ к замороженным авуарам на сотни миллиардов долларов, начнется бум прихода иностранных инвестиций в иранскую экономику, т. к. Иран сейчас — единственный оазис стабильности и благополучия на всем Ближнем Востоке, и для него откроется доступ к многомиллиардным доходам от экспорта нефти и газа.

Чем придется заплатить?

Но в ответ американцы потребуют плату в виде изменения внешней политики ИРИ, отказа от сотрудничества с РФ, включая сферу ВТС (а кроме России, никто Ирану не поставит самые современные виды вооружений), изменения позиции по Сирии, «Хизбалле», Ираку, Южному Кавказу и Центральной Азии. И плата эта будет высокой, вплоть до разрешения на создание американских тренировочных баз на иранской территории для подготовки диверсионных специалистов, боевиков, наемников и просто террористов для их последующей инфильтрации в Россию (на Северный Кавказ и в Поволжье) для раскачивания власти Владимира Путина, а также в Центральную Азию (в Туркмению, Узбекистан и Казахстан для смены там нынешних режимов и замены их на прозападные, которые поставят под контроль США свои нефтегазовые ресурсы. А с Таджикистаном все будет просто, так как Иран считает его своим родственным государством, если не больше) и богатый нефтью и газом Азербайджан. С помощью нефти и газа указанных бывших советских республик и самого Ирана, а также Ирака Ва-

шингтон вполне сможет выдавить углеводороды России из Европы, причем полностью. Особенно это касается газа. Для этого достаточно будет возродить проект газопровода Набукко, добавив к нему иранский, иракский, туркменский и катарский газ. И тогда на «Южном потоке» можно будет окончательно поставить жирный крест. Более того, даже Украина сможет избавиться от газовых поставок из России. А пока российский газ пойдет в Китай, наша экономика может обвалиться до критического уровня.

А понимают ли это в Москве?

Очень хочется верить в то, что в Москве просчитывают все последствия новой американской политики в отношении Тегерана в общем контексте усилий Вашингтона по давлению РФ, превращению России в зависимую от США страну второго или третьего разряда, роль которой сведется к обеспечению Запада дешевыми углеводородами и другими сырьевыми товарами. И уж никакой самостоятельной внешней и внутренней политики. И тем более мощных вооруженных сил.

Похоже на то что США для реализации этого чудовищного плана применяют новую тактику. Они специально вовлекли Россию, как говорится, по уши в геополитический конфликт с Украиной и в энергетический конфликт с ЕС в качестве отвлекающего маневра. Поэтому пока, на этот час, и не видно, что Москва что-то предпринимает для предотвращения нового курса Белого Дома в отношении Ирана. Все силы брошены на Украину и газовый рынок ЕС, тогда как основная угроза надвигается с южного направления. Американцы тихой сапой ежедневно делают свое дело. И военная операция в Ираке и Сирии под предлогом борьбы с ИГИЛ и международным терроризмом — часть этого курса на завоевание Ирана и выдавливание РФ из этого региона.

Почему Москва бездействует?

Возникает вопрос — почему Москва бездействует? Недооценка опасности? Непонимание ситуации? Слабость российской дипломатии? Или все вместе? А ведь в сентябре с. г. по итогам заседания Постоянной Российско-Иранской межправкомиссии по торгово-экономическому сотрудничеству был подписан протокол с перечнем реализуемых проектов общей стоимостью почти в 70 миллиардов долларов. Но прошел месяц, и никого телодвижения, что-то не видно, что его кто-то собирается выполнять. Кроме того, Ирану срочно нужно перевооружать армию самым современным оружием. Единственный потенциальный поставщик — Россия. Только Москва даст Тегерану такие системы ПВО как С-300 или С-400 или «Панцирь», боевые самолеты Миг-31 или СУ-30 (СУ-35), танки Т-90 S, ПТУРСы «Корнет», современные подводные лодки и боевые надводные корабли, ракетные системы береговой обороны и т. д. Ведь очевидно, что США и НАТО оружие такого уровня Ирану не дадут, по крайней мере до смены нынешнего «исламско-революционного» режима на проамериканский, чтобы не изменить радикально баланс сил в регионе, где Вашингтон продолжит активное военное сотрудничество с ССАГПЗ и Турцией, хотя бы исходя из огромных дивидендов от продажи вооружений богатым арабским монархиям. А тут

еще фактор возрастающего иранского влияния, который заставит аравийских монархов бежать в Вашингтон за новыми военными заказами. Так что России надо срочно наращивать отношения с Ираном, иначе просто можно опоздать на иранский поезд, быстро набирающий скорость. Это касается не только ВТС, но и торгово-экономического сотрудничества, особенно в энергетике, включая сферу углеводородов и ядерную программу мирного атома. И нужно стартовать сегодня, а точнее нужно было еще вчера, если не позавчера.

Удар по Китаю

Задача номер четыре американской линии по Ирану носит долгосрочный геополитический характер — ограничить возможности Китая как в перспективе основного соперника Вашингтона в Азии. Если США заполучат ИРИ в качестве стратегического партнера, то КНР потеряет важнейший источник получения нефти, а с учетом сказанного выше о России как основной цели американской политики по переделу мирового газового рынка, а также газовых поставщиках Центральной Азии, то в ближайшей перспективе экономика Китая будет полностью зависеть от Америки, так как США будут контролировать весь мировой рынок поставки углеводородов.

Создание летом этого года альтернативных международных институтов в рамках БРИКС, а также процесс расширения ШОС с перспективой вхождения в нее Ирана просто взбесили Америку. Особенно Вашингтон испугала возможность формирования оси Россия — КНР — Иран с возможным подключением к ней в будущем и Индии. Ведь это, полагают в США, означало бы не только утрату Америкой той глобальной роли, за которую она упорно цепляется, но и потерю контроля над основными источниками углеводородов, от поставок которых зависит дальнейшее экономическое благополучие Запада.

Иран рискует потерять независимый курс

Хочется надеяться, что в Кремле уже разглядели тот факт, что главные акценты наступления США, а значит и НАТО, вновь переносятся на Ближний и Средний Восток, на этот раз с упором на Иран и Ирак. Но понимают ли это в Иране, или там руководствуются лишь сиюминутными интересами любой ценой снять санкции? Ведь выход Ирана после снятия с него санкций и Ирака после стабилизации там ситуации как крупнейших ближневосточных поставщиков нефти и газа на мировой рынок уже к 2018–2020 годам (по оценкам, обе страны способны будут ежедневно экспортировать только нефти до 20 млн баррелей в день) существенно снизит роль Саудовской Аравии, экспортные возможности по нефти которой не превышают 10–11 млн баррелей в день.

Без Ирана, Ирака и Сирии невозможно создать реальную альтернативу проекту «Южного потока». Другое дело — мощный выброс в Европу иранского газа с его крупнейшего месторождения «Южный Парс» и начало газового экспорта из Ирака, намеченного на 2016 год. И в этой сложной игре основная ставка сейчас делается Вашингтоном на Иран, точнее, на сближение с ним за счет уступок по ядерной программе, снятия санкций и вложения

мощных инвестиций в энергетический сектор, а затем — на перерождение правящего иранского класса из национально-исламистского в прозападно-либеральный.

Главный расчет американцами делается на отрыв группировки президента Хасана Роухани и поддерживающих его полусветских политиков и бизнесменов от религиозной верхушки страны во главе с духовным лидером Али Хаменеи (поэтому США в том числе запустили гнусную кампанию по формированию общественного мнения относительно здоровья духовного лидера Ирана и перемен в связи с приходом нового лидера), а также от командования КСИР. Таким образом, Белым Домом зафиксирован отказ от идеи силового сценария по свержению нынешнего иранского режима на план его разложения изнутри путем прозападной «коррекции» по американским лекалам, поощрения внутренней оппозиции для ослабления власти нынешнего руководства, разжигания этнических трений между персами, с одной стороны, и национальными меньшинствами (азербайджанцами, курдами, белуджами и т. д.) — с другой.

Сейчас Иран — основная мишень Вашингтона в его глобальных планах. Без смены или трансформации правящего режима в Тегеране Белый Дом не реализует этот новый стратегический курс. В США пойдут до конца, используя все методы и средства, а также крайнюю пассивность Москвы, отсутствие ее активной политики в регионе. Но если нынешний режим в Иране не поймет замыслы Америки, то иранскому народу придется заплатить самую высокую цену — потерю суверенитета над природными богатствами и самостоятельной независимой политики. Очень хочется верить, что великий аятолла Али Хаменеи, президент Хасан Роухани и командование КСИР и ВС ИРИ понимают, что скрывается за планами Вашингтона, и самые печальные последствия их реализации для Ирана.

Игорь Николаев

Каспийские «клещи» для России и Ирана?

Комментарий, который Госдепартамент США устами своей чудо-Псаки озвучил по итогам проходившего в Астрахани саммита «каспийской пятерки», отличался лаконичностью и безразличием: встретились, дескать, и встретились, никакого влияния на планы США в отношении Каспия ни сама эта встреча, ни принятое на ней политическое заявление не окажет. Это тот уникальный случай, когда с оценкой Вашингтона можно согласиться, поскольку к реалиям закручивающейся вокруг Каспийского региона интриги большинство из того, что говорилось в Астрахани, никакого отношения не имеет.

Разумеется, подобная оценка резко контрастирует с победными реляциями ряда СМИ и экспертов, умудрившихся разглядеть в этой встрече глав пяти прикаспийских государств «прорыв и прогресс». В чем именно он заключается, толком так никто и не сказал, поскольку даже при самом тщательном поиске рассмотреть признаки этого «прорыва» не удастся. Итогом 18-ти (!) лет переговоров и согласований стало обещание, что основной документ «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» будет представлен через два года и, возможно, в годовщину 20-летнего обсуждения этой темы даже будет подписан, чего, впрочем, никто твердо не гарантирует.

Как достижение подается общая формула, согласно которой у каждой страны на Каспии появится 25-мильная зона, состоящая из 15-мильной зоны государственного суверенитета и 10-мильной исключительной экономической зоны. Остается только определить исходные линии, от которых она будет отсчитываться. Все остальное — «общее водное пространство». Что же касается одного из главных вопросов — разграничение участков дна и принципы их использования, то на эту тему стороны предпочитают вообще не распространяться.

В политическом заявлении из 19-ти пунктов, подписанном главами государств, отдельно зафиксирован принцип «неприсутствия на Каспийском море вооруженных сил государств», не являющихся членами «пятерки». И этот откровенно декларативный пункт подается как некая гарантия того, что другие государства, те же Соединенные Штаты, объявившие Каспий зоной своих интересов, от планов расширения своего военно-политического присутствия в этой геостратегически важной точке откажутся. Надо полагать, что из-за присущего Вашингтону, в частности, и Западу, в целом, крайне уважительного отношения к суверенитету и интересам других государств, примеры чего мы видим каждый день.

Словом, ни один из принципиальных вопросов, которые формируют реальную, а не декларативную «каспийскую» повестку для государств-членов пятерки, в ходе саммита решен не был, а наиболее острые и неприятные проблемы — ту же милитаризацию — решили «отложить на потом», рассчитывая, видимо, что «время лечит» и через пару лет «или шах помрет, или ишак сдохнет», то есть — угрозы и вызовы безопасности наших стран исчезнут сами собой. Проблема лишь в том, что Каспий — это точка, в которой сплетается целый ряд проблем: от влияния России в ближнем зарубежье и попыток Ирана уменьшить свою международную изоляцию до энергетической безопасности Европы. И каждая из них в последнее время обостряется, а в ближайшей перспективе будет обостряться еще сильнее. То, что конфигурация «каспийской пятерки» представляет собой для Москвы некое благоприятное «математическое большинство» — Астана входит в интеграционное объединение, а Тегеран считается, пусть и в большей степени на словах, стратегическим партнером — открывающая иллюзия, поскольку развитие ситуации в Азербайджане и Туркмении заставляет говорить о том, что под влиянием извне формируются своеобразные стратегические «клещи», вполне способные серьезно ущемить как интересы Москвы, так и ее союзников.

О выборе Азербайджана — без иллюзий

В ходе закрытой для прессы встречи в Астрахани Хасана Роухани и Ильхама Алиева иранский президент особый упор сделал на необходимости развития между двумя странами сотрудничества в областях торговли, экологии, энергетики и туризма. И лишь в завершении диалога сказал то основное, что больше всего беспокоит Тегеран в политике Баку: «Безопасность и развитие наших государств взаимосвязаны, и мы не должны позволять вмешиваться странам, выступающим против укрепления дружеских связей между нами». Намек на обеспокоенность расширением военного сотрудничества Азербайджана с Израилем, Турцией и США, на прямую зависимость добрососедства двух государств от интенсивности контактов одного из них с «третьей стороной» — более чем очевиден, хотя и максимально сглажен.

Поразительным образом это стремление Тегерана «сгладить острые углы» в отношениях с Баку похоже на политику Москвы в отношении Азербайджана. Хотя давно понятно, что официальные заявления и российских, и азербайджанских официальных лиц о «нормальных дружеских отношениях между нашими странами» — всего лишь дань дипломатической вежливости, но уж никак не отражение истинной ситуации. Так же, впрочем, как и аналогичные ирано-азербайджанские декларации.

Политический выбор Азербайджана в пользу Запада, и, как следствие этого выбора, расширение военно-политического и военно-технического сотрудничества с Израилем, Турцией, США и НАТО давно уже стал реальностью. И от этого выбора Баку отступать не намерен. Ильхам Алиев может подписывать любые декларации, но это совершенно не означает, что он намерен их соблюдать, если они будут противоречить интересам «западных» партнеров Азербайджана.

Немного статистики: по итогам 2013 года товарооборот между Азербайджаном и Россией составил 2,583 миллиарда долларов, между Азербайджаном и Ираном — примерно миллиард, а объем торговых операций между Баку и Анкарой составил 4,6 миллиарда, на 10% превысив показатели 2012 года. Товарообо-

рот Баку со странами ЕС составил 15 миллиардов 276,1 миллионов долларов (42,6% от общего объема внешней торговли Азербайджана) — почти в четыре раза больше, чем со всеми странами СНГ (4,063 миллиарда долларов). Простое сравнение этих цифр — достаточно убедительный ответ на вопрос «кто для Баку важнее», но в Москве почему-то принято считать, что поскольку существуют поставки в Азербайджан российского вооружения и другие формы военнотехнического сотрудничества, то опасения о росте влияния Вашингтона и НАТО в Баку следует считать преувеличенными. Но и это, как оказывается, не более чем еще одна иллюзия.

Да, США до недавнего времени ограничивали доступ Баку к закупке вооружений. Причем сразу по двум причинам: во-первых, из-за активного противодействия армянской общины в США и лоббистов этой общины в Конгрессе и, во-вторых, из-за серьезных претензий, которые Госдепартамент предъявляет Баку в сфере «прав человека». Но так было до недавнего времени, поскольку чем выше заинтересованность Вашингтона в расширении своего присутствия в той или иной стране, тем ниже требования к «демократичности правящего режима». А в отношении позиции Конгресса представителям Алиева уже удалось договориться с лидерами израильского лобби в США о том, что они возьмут на себя вопросы «нейтрализации» влияния армянской диаспоры на конгрессменов.

Собственно, у Ильхама Алиева не такой уж богатый выбор — или быть проводником интересов США, Турции и Израиля в регионе, чему, кстати, азербайджанские политические элиты в большинстве своем только рады, или же потерять власть в результате очередной «цветной революции», организация которой не составит для спецслужб вышеперечисленных стран особого труда. Много ли в таком случае стоит официальное мнение Азербайджана о «неприсутствии вооруженных сил третьих стран на Каспии»?

«Туркменский фронт» исламистов

Впрочем, в сравнении со сценарием, который будет реализован против Туркмении, разумеется, в том случае, если Гурбангулы Бердымухамедов откажется ради соглашений с Китаем участвовать в европейской диверсификации импорта энергоносителей из России, Азербайджану еще «повезло». Решение об участии Ашхабада в Транскаспийском проекте (ТКТ), включающем в себя прокладку 300-километрового газопровода по дну Каспия от Туркменбаши на западе Туркмении к терминалу в районе Баку, руководством Туркменистана принято и неуклонно реализуется. Что вполне отвечает интересам ЕС, поскольку грандиозный Трансатлантический газопровод без туркменского газа малорентабелен и конечная цель его строительства — диверсификация энергопоставок из России — не осуществима. Причем, Бердымухамедов уже заявил, что строительство таких трубопроводов — это суверенное право государств, по принадлежащим им участкам каспийского дна которых они проходят, а потому такие проекты могут осуществляться и без согласия остальных членов «каспийской пятерки».

Вполне очевидно, что проект ТКТ не нравится не только России. Против выступает и Иран — крупнейший производитель природного газа. И главное — Пекин, которого абсолютно не устраивает то, что туркменский газ в больших объемах пойдет на запад к берегам Азербайджана. Для США и ЕС возникает

реальная угроза того, что Ашхабад может уступить совместному давлению Москвы, Тегерана и Пекина, а потому для «гарантий лояльности» в отношении Туркмении совместными усилиями вашингтонских политиков и аналитиков нефтегазовых корпораций разработан сценарий «угрозы терроризма». 744 километра туркменской границы с Афганистаном — практически идеальные условия для прорыва «террористов» с афганской территории, что и было продемонстрировано туркменским властям летом нынешнего года. Как, впрочем, и то, что армия Туркменистана к отражению этих атак практически не готова. Состоявшийся после нападения экстренный визит туркменского министра иностранных дел Рашида Мередова в Афганистан никаких результатов не дал. В личной беседе с ним Хамид Карзай от обсуждения конкретных шагов борьбы с бандформированиями уклонился, предложив лишь «усилить сотрудничество разведывательных служб», то есть фактически дал понять, что ничего в данной ситуации не решает.

Серьезность положения первым осознал Иран, о чем свидетельствует визит в Ашхабад министра обороны Исламской республики Хосейна Дехгана, предложившего Бердымухамедову самую широкую помощь в организации отражения возможных атак террористов. Эти предложения были выслушаны, однако конкретного ответа Дехган не получил, поскольку Ашхабад предпочел «взять паузу для консультаций».

Ситуация для России тем неприятнее, что все ее «рычаги влияния» на руководство Туркмении, вопреки существующим иллюзиям по этому поводу, практически утрачены. Во-первых, если до 2009 года Россия сохраняла положение практически эксклюзивного покупателя туркменского экспортного газа, то уже к 2012 году объем экспортируемого туркменского газа на территорию РФ сократился до 10 миллиардов кубометров в год, а на днях представители российских газовых компаний объявили, что намерены полностью отказаться от закупок. Во-вторых, если раньше Ашхабад был в определенной степени заинтересован в лояльной позиции Москвы по вопросу раздела шельфа Каспийского моря, то теперь, понаблюдав за безынициативностью России, он считает, что способен решать эти вопросы либо самостоятельно, либо в двухстороннем формате, без российского посредничества. И, наконец, в-третьих. Ашхабад сделал вывод о том, что в случае серьезной дестабилизации рассчитывать на помощь Москвы рискованно, гораздо надежнее будет ориентироваться на ввод в страну миротворческого контингента ООН. А еще проще — договориться с Западом о сделке: сохранение власти в обмен на всесторонний учет западных интересов в отношении туркменского газа.

В итоге — как минимум двое из «каспийской пятерки» в результате закрученной Западом интриги не в состоянии выполнить этот важнейший пункт принятого в Астрахани политического заявления — о «неприсутствии на Каспийском море вооруженных сил» нерегиональных государств. И, по большому счету, для нас совершенно не важно, почему они не смогут это сделать — в связи с особенностями внешнеполитической ориентации или под давлением извне. «Клеши» для российских и иранских интересов сделаны, а то, когда они сомкнутся, нанося максимальный ущерб интересам Тегерана и Москвы, — лишь вопрос времени.

Игорь Панкратенко

Тегеран и Вашингтон: мифы и реальности «сближения»

После революции 1979 года Иран был настоящим наказанием для внешней политики шести американских президентов на Ближнем и Среднем Востоке. Вполне очевидно поэтому, что нормализация отношений с Тегераном, о необходимости которой Барак Обама заговорил во время своего второго срока, могла бы стать таким дипломатическим успехом администрации Белого дома, который вполне заслуживает роскошного памятника в истории международных отношений. Однако, и с нормализацией, и с памятником не получается, поэтому американской пропаганде отсутствие реальных успехов на «иранском направлении» приходится заменять тиражированием мифов о «наметившемся сближении».

Нужно отдать должное — это тиражирование ведется искусно и напористо, слухи о различных «достигнутых договоренностях» появляются с завидной регулярностью и сопровождаются такими пикантными деталями, что падкие до сенсаций и западные, и российские средства массовой информации с энтузиазмом эти слухи подхватывают и уже от себя добавляют всякие подробности. Ну, а потом в дело вступают многочисленные «эксперты», которые, прочитав пару-другую газетных статей и не утруждаясь проверкой информации, начинают говорить об ирано-американском сближении как о свершившемся факте.

Любая пропаганда — средство давления на заинтересованных лиц, а таких более чем достаточно и в Вашингтоне, и в Тегеране. В основе этой заинтересованности лежат, в первую очередь, экономические факторы. Один американский дипломат очень точно охарактеризовал ситуацию в отношении интереса западных компаний: «Иран является одним из последних «золотых рудников» на планете, и каждый хочет оказаться первым в разработке его богатств». «Тегеранские контракты», щедро нарезанные доли иранского рынка — лакомый приз для экономики США и членов Евросоюза. В освоении этих долей западным корпорациям готов помогать солидный слой технократов, представители малого и среднего бизнеса, поддерживающие «реформаторов и прагматиков» в правительстве Роухани и разделяющие лозунг «благоразумие и надежда», с которым нынешняя президентская команда выиграла прошлогодние выборы.

Казалось бы, до нормализации ирано-американских отношений осталось полшага, не более, но именно на этом полушаге администрация Обамы сделала бессрочную паузу, не только создав атмосферу неопределенности в диалоге между Тегераном и Вашингтоном, но и серьезно подорвав позиции сторонников «западного выбора» в Иране.

Администрация Роухани: между принципами и выгодой

Избрание Роухани было выбором иранского народа и политических элит, поскольку и те, и другие считали, что «шейху дипломатии» удастся найти своеобразную золотую середину между антиимпериалистическим курсом, который

последовательно проводил Тегеран после революции 1979 года, и насущными потребностями реформирования общественных отношений и экономики страны, которые невозможно было осуществить в условиях развязанной Западом санкционной войны.

Действия нового иранского президента получили самый широкий кредит доверия и в обществе, и, как бы ни пытались убедить нас в обратном, в консервативной среде, которая также изначально поддерживала Роухани, но при этом достаточно корректно предостерегала его от чрезмерно завышенных ожиданий в отношении готовности Вашингтона и Запада в целом идти навстречу Ирану в вопросах ядерной программы и санкций. К сожалению, удержать баланс между принципами Исламской республики и необходимостью реформирования отдельных ее механизмов, между ориентированными на Запад «реформаторами и прагматиками» и консервативным крылом иранского общества администрации Роухани не удалось. Балансирование между различными группами элит всегда было сложнейшей фигурой «высшего политического пилотажа», когда даже временное усиление одной из группировок вызывает неприкрытую враждебность другой стороны, а новая президентская администрация явно не смогла противостоять давлению со стороны клана, представляющий интересы крупного частного капитала.

Ответная реакция консервативного крыла была предельно жесткой, вплоть до импичмента одного из министров и подготовки отставки еще как минимум трех ключевых фигур кабинета Роухани. Исправить ситуацию могли бы серьезные успехи Роухани и его команды на внешнеполитической арене, но вот здесь то и сработала мина, называемая «двуличной американской позицией в вопросах нормализации отношений с Ираном».

Интрига санкций и переговоров по ядерному досье

Главная ошибка тех, кто считает переговоры Исламской республики с «шестеркой» по вопросам ядерной программы ключевым моментом ирано-американских отношений — дескать, вот достигнут стороны соглашения, и между Вашингтоном и Тегераном сразу наступит мир и партнерство — заключается в уверенности, что иранское «ядерное досье» имеет хоть какое-то серьезное практическое значение для американских политических элит. И сами переговоры, и санкции — лишь инструмент для реализации главной цели США в отношении Ирана: полной смены его внешнеполитического курса.

Еще при президенте Форде (1974–1977), администрация США ответила согласием на строительства 20 АЭС в Иране, что позволило бы ему обеспечить экономику энергоресурсами, а высвободившиеся объемы нефти использовать для увеличения экспорта на Запад. В 1978 при сменившем Форда Джимми Картере Госдепартамент США в одном из своих меморандумов сделал заключение о необходимости «приветствовать и всячески поддерживать усилия Ирана по расширению и диверсификации его ненефтяной энергетической базы». То есть, пока полуколониальная зависимость от Запада сохранялась, пока Иран довольствовался ролью «сырьевого придатка», а заодно и был верным союзником США, его «ядерные амбиции» ни у кого на Западе опасений не вызывали.

Сегодня Иран нуждается в мирной ядерной энергии гораздо больше, чем тридцать лет назад, «вторая индустриализация» экономики страны без опоры на собственные ненефтяные энергоресурсы попросту невозможна. За два

президентских срока Ахмадинежада Иран совершил огромный рывок в науке и высоких технологиях, стал региональной державой, проводящей самостоятельную внешнюю политику. Агрессия против него обернется катастрофой, а потому самый надежный способ устранения противника — экономические санкции и политические интриги, разрушающие стабильность и единство иранского общества.

Вашингтон мог заключить всеобъемлющее соглашение по ядерной программе с Ираном еще два года назад, когда обремененный полномочиями Рахбара Саид Джалили прямо сказал, что Исламская республика готова принять на себя все предлагаемые западной стороной добровольные ограничения: от сокращения количества центрифуг до международного контроля. «Если мы подпишем этот договор», — спросил тогда Джалили американских и западных переговорщиков, — «через какое время с нас будут сняты санкции?» Ответом на его вопрос были невразумительные заявления о том, что отмена всех санкций — сложный и многолетний процесс. То есть, именно Запад продемонстрировал полное нежелание отказаться от санкционного оружия. А затем последовало ужесточение требований в отношении Тегерана: максимально ограничить атомные работы даже в исследовательских и медицинских целях, закрыть большинство объектов, на которых эти исследования ведутся, и согласиться на многолетние и всеобъемлющие инспекции, касающиеся не только атомной, но и ряда других высокотехнологичных отраслей. «Ведь это, фактически, ограничения суверенитета Ирана!» — скажете Вы, и будете абсолютно правы, но именно в этом и заключается конечная цель США, а отнюдь не в мифической «нормализации». Пойдет ли на выполнение этого ультимативного требования руководство Исламской республики? Разумеется, нет, но Вашингтон данное обстоятельство волнует мало, поскольку нынешние противоречия в иранском руководстве США и Запад воспринимают как первый шаг на пути к своей победе.

Региональная «холодная война»

Но если в вопросах иранского «ядерного досье» стремления США к нормализации отношений с Ираном не наблюдаются, а вместо реальных шагов есть только интриги, то может быть Вашингтон рассчитывает достичь сближения с Тегераном в рамках своих региональных проектов, например в «борьбе с терроризмом»?

Ответ на этот вопрос нужно начать с того, что руководство Ирана гораздо лучше многих отечественных и зарубежных комментаторов понимает, что является источником нынешнего всплеска экстремизма и кто является «родителями» джихадистов и строителей всевозможных халифатов. «Холодная война» против Ирана, которую развязали Эр-Рияд и Тель-Авив при полном одобрении и поддержке Вашингтона, достигла своей кровавой, но вполне логичной кульминации. Три этих государства взращивали «зверя», которого планировали использовать против Тегерана и его союзников, против Сирии, Хезбаллы и «шиитского пробуждения».

Сегодня этот «зверь», как внушают западные масс-медиа, якобы вышел из-под контроля, хотя версия «утраты контроля» откровенно шита белыми нитками, уж больно плотно ложатся атаки «Исламского государства» в написанный американскими «ястребами» сценарий перестроения Ближнего Востока.

ка, для которого нужен таран, и «халифат» эту роль играет безукоризненно. Под прикрытием «борьбы с международным терроризмом» наконец-то удастся свергнуть Башара Асада, нанести сокрушительное поражение Хезбалле, восстановить лидерство Саудовской Аравии в исламском мире и устранить серьезные угрозы Израилю. Где в этой комбинации место Ирана? Правильно, в ряду проигравших, причем Тегеран не просто проиграет, а по сути утратит серьезные позиции в регионе, окажется во враждебном кольце, которое в дальнейшем будет только сжиматься.

Иранское высшее руководство прекрасно все это понимает, а потому всячески устранивается от любого участия в данном «региональном проекте». И все слухи о неких «сигналах», которые подают анонимные «источники в Тегеране» о готовности в обмен на смягчение санкций участвовать в американо-саудовской «антитеррористической коалиции», из разряда дезинформации, информационной войны, которая вокруг Исламской республики не затихает все 35 лет ее существования.

Да, в Иране есть то, кто в обмен на благосклонность Запада готов пойти на сделку с США, пусть через несколько лет эта сделка обернется гибелью для Исламской республики. Да, в Иране есть те, кто говорит о необходимости отказаться от поддержки сирийцев, ливанцев, афганцев, палестинцев, «замкнуться» в своих границах, заниматься только лишь внутренними проблемами страны. Но не эти люди делают «политическую погоду» в Тегеране, хотя, вот парадокс, именно их мнение становится источником слухов и мифов вокруг «нормализации».

Что же остается от тиражируемых мифов о некоем сближении Вашингтона и Тегерана? Ничего, кроме слухов и домыслов. И это вполне естественно, поскольку в понимании американских элит «нормализация» возможна только в случае полной капитуляции Тегерана, его отказа от самостоятельной внешней и внутренней политики, возвращение Ирана к роли «сырьевого придатка» Запада и, частично, «сборочного цеха» продукции транснациональных корпораций. Естественно, что нынешнее руководство Исламской республики на такую «нормализацию» идти не намерено. Тактические маневры и отдельные дипломатические ходы, отдельные заявления с «двойным дном» ничего не имеют общего со стратегическим курсом, который реализует руководство Ирана, в котором президент Роухани и его администрация — не самые главные фигуры.

Иран переживает сегодня не самые простые времена. Но сложные проблемы, которые решают иранские политические элиты, не нужно считать кризисом или некоей критической точкой. При всей сложности внутривнутриполитических дискуссий, при непрерывном давлении извне Иран остается верен антиимпериалистическому курсу, который выбрал 35 лет назад. Тегеран, вопреки слухам и мифам, не намерен достигать «нормализации» с Западом любой ценой, и эта его позиция заслуживает всесторонней поддержки со стороны России, Китая и всех, кто реально понимает опасность «однополярного мира» в американском исполнении. Впрочем, особенности этой поддержки, проблемы и препятствия на ее пути — тема отдельного разговора.

Владимир Алексеев

Борьба за Иран разгорается

Становится все более очевидным, что направленные на быстрое сближение с США и Западом шаги президента Хасана Роухани иногда не отвечают духу исламско-революционного курса Духовного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи. Особенно Духовный лидер не доволен тем, что, как стало известно из утечек в СМИ, Роухани якобы заключил соглашение (пока только устное), секретно подготовленное совместно с Соединенными Штатами и Европейским Союзом.

Зачем Роухани нужны США

После хомейнистской революции Иран традиционно поддерживал и поддерживает освободительные движения в исламском мире: Хизбаллу, ХАМАС, некоторые исламские движения в СНГ и т.д. Однако в 2013 году после своего избрания на пост президента Хасан Роухани намекнул, что иранская казна будет служить только своему народу, а не каким-то движениям и «сопротивлениям». Тогда мало кто придал этому значение. Тем более что во время предвыборной кампании Роухани вызвал огромные надежды народа на снятие санкций с ИРИ путем достижения соглашения с США и ЕС по ядерной программе. И, надо признать, многое уже удалось сделать. После промежуточной договоренности в Женеве между Тегераном и «шестеркой» международных посредников Иран вновь получил возможность продавать свою нефть на мировом рынке, остановилось дальнейшее падение экономики, галопирующая инфляция обуздана, национальная валюта риал стабилизировалась. Самая главная — опасность войны миновала, иранский народ получил передышку и вместе с тем надежду на быстрое решение проблем.

Но, если верить утечкам в СМИ, Роухани пошел гораздо дальше, и с его командой ведут переговоры представители Вашингтона и Брюсселя. Речь идет, ни много ни мало, о возможном вхождении Ирана в атлантический лагерь. В соответствии с достигнутым соглашением Иран будет поставлять свой газ в Европейский Союз, так что последний сможет избавиться от своей зависимости от России и начать новую холодную войну. Кроме того, этот газ не получит Китай, и его экономическое развитие неизбежно пострадает от этого. Как нами уже было написано, 24 сентября Роухани провел беседу со своим австрийским коллегой Гансом Фишером в кулуарах

сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Австрия обеспечит управление проектом по строительству газопровода Набукко. Также речь шла о финансировании подключений иранских газовых и нефтяных месторождений, общая стоимость которых должна достигать 8,5 миллиарда долларов.

В иранском руководстве существуют различные мнения

Надо сказать, что внутри правящей верхушки элиты, во главе которой стоит духовенство, наметились серьезные разногласия по методам продолжения «исламского пути», избранного Ираном в 1979 году. Та часть духовенства, представителями которой являются Хасан Роухани и «Силы Революции», представленные, в частности, братьями Лариджани, выступает за жесткие методы принуждения, тогда как «революционеры-антиимпериалисты», лидером которых является Махмуд Ахмадинежад, поддерживают воздействие на народ силой примера. Поэтому президент Ахмадинежад во время своего президентства вошел в конфликт с полицией нравов, и этот конфликт оказался настолько острым, что сотрудников администрации президента арестовывали и на несколько месяцев сажали в тюрьму за «колдовство».

Духовный лидер аятолла Али Хаменеи, являющийся особо привилегированным учеником аятоллы Рухоллы Хомейни, обладает, по европейским меркам, гораздо большими полномочиями, чем, например, президент страны, но он находится «над схваткой» и крайне редко вмешивается в реальную политику. В последние годы он пытался ограничить инициативы Махмуда Ахмадинежада и заставить его поддерживать отношения с братьями Лариджани. Однако, Ахмадинежад в последние годы своего правления в силу своей экспрессивности несколько раз уклонялся от рекомендаций Духовного лидера скорректировать свой курс и чуть было не поплатился своей должностью.

В 2013 году Духовный лидер поддержал на выборах умеренного консерватора Хасана Роухани, надеясь таким образом сделать паузу в жесткой конфронтации с Вашингтоном. Однако сейчас многие считают, что новый президент подошел к «красной черте» в налаживании диалога с Вашингтоном, и это может угрожать революционным идеалам. После выборов прошло немногим больше года, но популярность Хасана Роухани начинает падать. Общественное мнение разделилось надвое: одни считают, что он ничего не изменил, а другие обвиняют его в том, что он покровительствует одному социальному классу (состоятельным либералам прозападного толка) в ущерб подавляющему большинству. В стране начинают мобилизоваться серьезные политические силы и движения, цель которых заключается в том, чтобы не допустить скатывания Ирана в американско-атлантический лагерь. К тому же Духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи позволил своим сторонникам организовать международную антиимпериалистическую конференцию, хотя в прошлом году он этому противился, и сам принял в ней участие. По его словам, победа прозападного курса означала бы окончание Исламской революции и отказ Ирана от своего политического влияния как ведущей региональной державы. Для страны это обернулось бы дальнейшим ростом благосостояния правящего класса, но вовсе не народа.

США будут до последнего драться за Иран

Но в США все это прекрасно понимают. На случай срыва прозападной линии Хасана Роухани, если только не произойдет что-то с Духовным лидером, о болезни которого на Западе активно распускаются различные слухи, Вашингтон готовит альтернативный вариант — глубокую дестабилизацию обстановки в Иране. На этот раз опять запланирована очередная «цветная» революция по типу событий в арабском мире в 2011–13 гг. Подготовка к смене режима в Тегеране давно идет полным ходом. На протяжении последних пяти лет Вашингтон создавал сам и принуждал других к созданию более 70-ти спутниковых телеканалов, транслирующих свои передачи на языке фарси, хотя этим языком владеют во всем мире около 100 миллионов человек, из которых 80 миллионов проживают в Иране. Все союзники США, начиная с Евросоюза и кончая Южной Кореей, были принуждены вести трансляцию передач для Ирана. Расчет очень простой: если все эти каналы в одно и то же время станут транслировать ложную информацию, последняя может показаться иранцам самой настоящей правдой, тем более что многие из них отвернулись от национального телевидения, считая его слишком официальным, патриотическим, воинственным и пуританским. В западных СМИ и, особенно, в Интернете ведется кампания по дискредитации иранского государства — ситуация, которой не преминут воспользоваться США. При задействовании информационных цифровых технологий можно выдавать фиктивные события за реальные, как это было продемонстрировано в Египте, Ливии, когда объявили о падении Джамахирии за 4 дня до ее распада, чтобы деморализовать население, и в Сирии, когда показывали многочисленные демонстрации, которых на самом деле никогда не было. Технологии отработаны и отточены. Поэтому недавно, например, запустили ложную информацию якобы о тяжелой болезни Духовного лидера и запуске процедуры поиска нового лидера. Хотя Духовный лидер совершенно здоров, пребывает в прекрасном расположении духа и полон решимости еще долго служить своему народу.

Саудовский фактор остается

Кроме того, нужно всегда помнить о факторе Саудовской Аравии и ССАГ-ПЗ. Саудовское королевство считает себя защитником суннитского ислама во всем мире. А Исламская республика Иран — крупнейшее шиитское государство. Но религиозные разногласия только корень неприязни. Саудовская Аравия, обладающая крупнейшими мировыми запасами нефти, многие годы борется с иранским режимом за господство в регионе и претендует на особые отношения с США. А после свержения режима Саддама Хусейна эта конфронтация только обострилась. В так называемой гражданской войне в Сирии Иран, естественно, оказался на стороне Башара Асада, саудиты же стали активно поддерживать его противников. Именно ИРИ и КСА теперь играют решающую роль в борьбе против «Исламского государства» (ИГ), погрузившего в террор Ирак и Сирию и стремящегося создать глобальный халифат арабского мира. Поскольку, если они откажут в поддержке международной коалиции, в которую из арабского мира также входят Иордания, Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, она будет обречена на крах.

Если Иран не примкнет к коалиции, то все действия США в регионе против ИГ обречены на провал. Более того, этот регион просто расколется. Саудовская Аравия играет ключевую роль в легитимации нового военного вмешательства в регион. Важнейшая задача состоит в том, чтобы избежать эффекта «США снова бомбят арабов». Поэтому военное вмешательство должно восприниматься как скоординированное с партнерами в регионе выступление. Раньше для демонстрации общности подходили многие страны. Но Египет, Ливия и Йемен из-за переворотов «арабской весны» находятся в кризисе, и Западу остается только обратиться к Саудовской Аравии. Вот только без Ирана, особенно если США начнут сухопутную операцию, не обойтись. Понадобятся иранские вооруженные силы «на земле». Но возможно ли сейчас, когда Саудовская Аравия уже в составе коалиции против ИГ, принять в нее еще и Иран? Ранее королевство постоянно пыталось противодействовать сближению Запада и иранского режима, настоятельно призывало к жесткому курсу против Тегерана. Тот факт, что авиаудары в Сирии не вызвали жесткой ответной реакции Тегерана, можно считать признаком минимального взаимопонимания между Ираном и международной коалицией. Да и госсекретарь США Джон Керри подчеркнул на недавнем заседании Совета безопасности ООН, что «в глобальной кампании против ИГ роль есть у каждой страны, и у Ирана тоже».

Главное — это газ

И еще один важный момент. Пожалуй, даже более важный, чем расстановка сил в регионе и соперничество между КСА и ИРИ. Судя по тому, как продвигаются трехсторонние переговоры по газу между Россией, Украиной и ЕС, зимой нас может ждать до боли знакомая история. Если найти компромисс не получится, газ начнет пропадать где-то на Украине между Россией и Евросоюзом. Понимая это, в ЕС задумались о новых поставщиках. Разлад в отношениях Евросоюза с Россией ситуацию только упростил: теперь еврочиновникам не было нужды объяснять, почему они внезапно вспыхнули теплыми чувствами к находящемуся под экономическими санкциями Ирану. Поэтому не случайно 24 сентября прозвучали слова иранского президента в Нью-Йорке на встрече со своим австрийским коллегой о готовности замечать поставки российского газа иранским.

Однако 90% экспортируемого иранского газа идет в Турцию, и, по мнению экспертов, рассчитывать на европейский рынок Тегеран сможет нескоро. За то долгое время, в течение которого в Иране действует режим санкций, газовая промышленность страны испытывает дефицит в передовых технологиях и современном оборудовании. Хотя Иран обладает колоссальными запасами газа, разрабатываются они крайне неэффективно. Коэффициент извлечения на иранских месторождениях уступает международным аналогам. Чтобы поставлять газ в Европу, Ирану необходим серьезный прирост добычи, что потребует значительных денежных затрат. Кроме того, действующий газопровод Тебриз — Анкара не позволяет поставлять большие объемы газа. Для присоединения Ирана к «Южному потоку» нужно решение стран-участниц проекта. А в условиях антииранских экономических санкций и судебных разбирательств «Газпрома» по поводу Третьего энергопакета перспективы таких решений весьма туманны. К тому же, на руку Москве

играет нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, ставящая под сомнение надежность поставок газа из Ирана.

Помимо «Газпрома» на европейском рынке природного газа есть и другие продавцы. Более близкие, чем Иран. Норвегия, Великобритания, Нидерланды, Алжир и Ливия. Но полностью заменить российское топливо им тоже не под силу, даже если нарастить по максимуму объемы добычи. К тому же в 2013 году сама Норвегия, третий мировой поставщик этого вида топлива, снизила экспорт на 6,5% по сравнению с 2012 годом, до 103,77 миллиарда кубометров. Европейские чиновники очень хотят ослабить зависимость ЕС от российского газа, но на данный момент это практически не реально, поскольку за счет своей инфраструктуры «Газпром» обеспечивает низкий уровень цен по сравнению с теми же американскими поставками СПГ из сланцевого газа. По сравнению с обычным газом СПГ (сжиженный природный газ) выигрывает в цене, тем более если он продается на спотовом рынке по краткосрочным контрактам, но по объемам потребления он заметно уступает природному. Несмотря на развитую инфраструктуру по приему СПГ на территории ЕС и реализацию проектов в этой сфере, сегодня регион обеспечивает себя этим видом газа лишь на 15%. Основная доля потребляемого СПГ опять же приходится на импорт — из России, Катара, Алжира. Так, в 2012 году объемы импорта составили почти 63 миллиарда кубометров, а загрузка мощностей не превысила 33%. Потенциальный продавец Европе СПГ и сланцевого газа — США. Но дешевые поставки СПГ из США приведут к его удорожанию на внутреннем рынке страны. А это ударит по местной промышленности, получающей сейчас за счет дешевого газа большое преимущество перед конкурентами. Американский сланцевый газ, по мнению экспертов, из-за дороговизны его добычи и доставки конкуренцию с традиционным пока не выдерживает. Выходит, что пока альтернативы российскому газу на европейском рынке нет. В лице Ирана в ближайшей перспективе она тоже вряд ли появится. Даже если в будущем Иран сумеет существенно нарастить добычу, покупатели не найдутся среди стран, не участвующих в антииранских экономических санкциях. В условиях роста экономики КНР и Индии лишний природный газ из Ирана всегда может рассчитывать на потребителей в странах АТР. Причем там цена на газ выше, чем в ЕС. При благоприятном развитии двусторонних отношений излишки иранского газа мог бы покупать и «Газпром».

Роухани поменял позицию

Но в этой истории случился неожиданный поворот. В интервью телеканалу «Россия» в ходе Каспийского саммита президент Ирана Хасан Роухани заявил, что в случае отмены санкций Иран не сможет заменить Россию в качестве основного поставщика газа. «Как вы знаете, Иран является обладателем самых больших запасов газа. Но в добыче газа мы отстаем и сначала думаем о внутренних потребностях нашей страны», — цитировали СМИ слова президента. Он заверил, что покупателей газа у Ирана много как на Западе, так и на Востоке, но этот газ «еще надо добыть».

Поэтому, подчеркнул иранский президент, «сегодня не те условия, при которых все думали, что если завтра Россия прекратит поставлять газ, то этот же самый газ поставит Иран». «Наше производство еще далеко от этого

этапа», — заметил Хасан Роухани. Он в некотором смысле подвел черту под спекуляциями на тему российско-иранской сырьевой конкуренции, заявив, что Иран готов сотрудничать с Россией в том числе в газовой сфере. «Мы готовы во всех сферах вместе с Россией вести скоординированную деятельность», — подчеркнул президент Ирана. «Несколько лет мы прилагаем усилия к тому, чтобы страны, экспортирующие газ, смогли сотрудничать, — напомнил он. — Конкуренция не должна быть проблемной, она должна быть здоровой, конкуренция не должна делать так, чтобы прибыль была только у покупателя, а экспортеры несли ущерб». «Поэтому в вопросе о газе самый оптимальный путь — это сотрудничество и взаимодействие», — сказал Хасан Роухани. Безусловно, эти заявления объясняются сложившейся геополитической ситуацией, в которой Ирану сейчас безопаснее и выгоднее поддерживать хорошие отношения с Россией.

Так что иранскому президенту, если он хотел своими заявлениями по газу заполучить симпатии США и ЕС накануне переговоров по ядерной программе ИРИ, нужно было просто изучить выкладки технических экспертов. А так подобные слова ничего, кроме вопросов, не вызывают. Тем более что Россия — это единственный источник укрепления вооруженных сил ИРИ перед лицом реальных угроз независимой политике Тегерана со стороны США и их арабских союзников в Персидском заливе. И великий аятолла Хаменеи это, похоже, прекрасно понимает. Для него важнее сохранить Иран великой державой Ближнего и Среднего Востока, нежели стать послушным младшим партнером Вашингтона.

Олег Чувакин

Иран: санкции, нефть и конспирология от Кудрина

К чему приведет ноябрьский раунд переговоров по иранской ядерной программе? Дипломатические заявления сторон о мирном атоме, непременном прогрессе в переговорах и взаимопонимании можно понимать так же, как и прежде — то есть как угодно. Эксперты сходятся в одном: в дни предварительных переговоров на министерском уровне между Ираном, США и представителями Евросоюза государства Запада усилили давление на Тегеран. Есть даже особое мнение: идя на поводу у Вашингтона, Иран вслед за Саудовской Аравией якобы примкнул к нефтегазовому сговору, затеянному против России. Но так ли это на самом деле?

Портал haqqin.az сообщает, что Иран не возразил против снижения цен на нефть картелем ОПЕК. «В это время года снижение цен — это нормально. Снижение цен компенсируется подорожанием доллара», — заявил некий источник, знакомый с политикой Ирана в нефтяной сфере.

Здесь же опубликованы заявления заместителя министра нефтяной промышленности Ирана и управляющего Национальной нефтяной компанией страны. Первый предположил, что спад цен на нефть окажется кратковременным, а второй на вопрос о том, повредят ли низкие цены бюджету ИРИ, ответил: «Я так не думаю».

Кроме того, сообщается, что Саудовская Аравия, Кувейт и Катар дали понять, что не будут сокращать добычу нефти.

Некоторые украинские обозреватели тотчас заговорили об «угрозе для России» и даже о сознательном «обвале» Ираном цен: ведь Иран, входящий в ОПЕК, раньше традиционно выступал за поддержку цены выше ста долларов за баррель.

На самом деле Иран не обваливает цены и тем более не угрожает России. Гипотеза, надо отметить, совершенно дикая. Тут надо говорить о желании иных «аналитиков» порадоваться очередной «новости» о скором крахе России, а не о вдумчивом подходе к освещению и оценке событий.

На днях в «Независимой газете» появилась статья Ольги Соловьевой под заголовком «Иран снижает нефтяные цены вслед за Саудовской Аравией».

В материале отмечается следующее: крупнейшие нефтеэкспортеры снижают цены. В пятницу на прошлой неделе снизил цены и Иран — вслед за Саудовской Аравией. Речь идет о поставках нефти азиатским государст-

вам. Стоимость по всем азиатским контрактам ИРИ на поставки в ноябре 2014 г. уменьшилась на один доллар.

Обозревательница отмечает, что в Тегеране происходящее охарактеризовали как «ценовую войну, развязанную саудитами».

Напоминает корреспондентка и о том, что до сих пор российские чиновники уверяли, что как раз Саудовская Аравия — основной гарант комфорта для РФ нефтяных цен. В частности, глава Минфина Антон Силуанов недавно утверждал, что Саудовская Аравия не заинтересована в снижении нефтяных цен.

«НГ» приводит заявление министра нефти Ирана Биджана Намдара Зангене. Он сообщил, что «действия отдельных стран по снижению цен на свою нефть не могут рассматриваться как война за понижение глобальной цены».

По мнению другого эксперта, председателя Совета директоров МДМ-Банка Олега Вьюгина, Саудовская Аравия за счет наращивания объемов добычи может сохранить нефтедоходы и при более низкой цене.

Главным же оптимистом, судя по публикации в «Независимой», оказался Игорь Сечин. Глава «Роснефти» прогнозирует, что в ближайшие пять-семь лет цены на нефть не упадут, а возрастут до 150 долларов за баррель. Причина роста цен — истощение зрелых месторождений и начало разработки месторождений арктических.

«Зрелые месторождения, которые разрабатываются сейчас в мире, истощаются, а эта арктическая нефть — высококачественная, поэтому рынку определенно придется заплатить нам ту цену, которая оправдывает наши вложения», — отметил он. Ранее тот же Сечин предполагал, что цена на нефть не может опуститься ниже 90 долларов за баррель.

Наконец, газета приводит «конспирологическую» точку зрения бывшего министра финансов РФ Алексея Кудрина. Он уверен, что американцы сговорились с основными нефтеэкспортерами с целью добиться снижения цен. В эфире «Первого канала» Кудрин сообщил: «США и Саудовская Аравия могли договориться об увеличении добычи и соответственно предложения на рынке с целью понизить цены на черное золото».

Что касается Ирана, то он, добавим от себя, вряд ли влез в какие-то «конспирологические» сценарии и поддакивает Вашингтону. Ирану попросту приходится продавать нефть по той цене, которую диктует рынок. И в этом смысле Тегеран, как мы уже писали на «Военном обозрении», волей-неволей становится участником биржевой игры на понижение, которая, к сожалению, ущемляет интересы России. Задавленному санкциями Тегерану некуда деваться.

Однако надо уточнить: Тегеран отнюдь не демпингует. Ведь он снизил цену для азиатов уже тогда, когда ее снизили прочие рыночные продавцы — саудиты и другие. О демпинге, интригах против России и сговоре с США, на которое Тегеран якобы пошел ввиду приближения ноября, когда должен окончательно решиться вопрос о иранской ядерной программе, говорить не приходится. К тому же Иран состоит в ОПЕК и вынужден блюсти общие интересы членов картеля, а не только собственные.

Надо вспомнить и еще кое-что. Война за понижение цен — это то, что американской администрации нужно сегодня меньше всего. При опускании

цены за баррель ниже 80 долларов бурение и эксплуатация скважин в сланцах становится низкорентабельным предприятием, а то и нерентабельным. Компании просто прекратят добывать нефть, а рабочих выкинут на улицы. На подобную «стратегию» не пойдет даже темнокожий вождь «исключительных» Б. Х. Обама. Фактически это значило бы ударить по собственным социальным программам, на первом месте среди которых — создание новых рабочих мест. Обама чуть не в каждой своей речи твердит об этих самых местах.

Кстати, американское влияние на нефтяные цены вполне очевидно: США наращивают добычу сланцевой нефти, что, самой собой, сказывается на падении мировых цен. При их падении до определенной величины (см. выше) нефтедобыча в США резко пойдет вниз, что тоже неминуемо отразится на мировой цене, но уже в сторону повышения. Такой вот рыночный баланс.

Поэтому нынешнее падение цен имеет естественные рыночные причины, укладывающиеся в закон спроса и предложения, и не имеет никакого отношения к геополитической стратегии Белого дома. Никакого тайного сговора с саудитами и тем более с Ираном, дружелюбно настроенным к России, не существует. Если бы таковой сговор существовал, Вашингтон бы мечтал ударить сам по себе. До такой глупости, осмелимся предположить, мистер Обама не дошел бы.

Перечислим все основные причины падения цен на нефть на мировом рынке: 1) США производят все больше нефти; 2) некоторые страны вроде Ливии стали поднимать уровень добычи; 3) серьезные западные эксперты отмечают вероятный экономический спад в КНР и Германии, который приведет к снижению спроса названных стран на нефть. Все эти факторы определяют сегодняшний понижительный тренд. Но никакого видимого западного игрока, затеявшего обвалить цены во вред России, сейчас не наблюдается. Таковой игрок, как можно прикинуть, способен выйти на сцену лишь по окончании «сланцевой революции» в США. Собственно, только США и могли бы стать подобным игроком.

Переходим к иранскому мирному атому.

В конце ноября пройдут две встречи на международном уровне. Первая — саммит ОПЕК. Очевидно, там и будут обсуждаться вопрос цены и квоты.

Вторая встреча — «атомная». Она назначена на 24 ноября. В ней примут участие Иран и шестерка стран-посредниц по ядерному вопросу. Но рассматривать в контексте этого мероприятия «антироссийскую» интригу Тегерана, как мы уже объяснили выше, попросту нелепо.

Как передало 16 октября РИА «Новости», к 24 ноября Россия, США, Великобритания, Франция, Китай, Германия и Иран взяли обязательство договориться о гарантиях мирного характера иранской ядерной программы в обмен на (внимание) постепенную отмену международных санкций против ИРИ.

Ожидается, что в конце ноября будет поставлена переговорная точка — госсекретарь США Джон Керри заявил, что продление переговоров на повестке дня не стоит.

В среду на этой неделе, напоминает агентство, прошли встречи на министерском уровне между Ираном, США и представителями Евросоюза. Никакой информации о результатах нет, поскольку переговоры шли в обстановке повышенной секретности.

Напомним, что ранее в прессе публиковалось заявление иранского президента Хасана Роухани, который выразил надежду на то, что на грядущих переговорах будет достигнут компромисс. Кстати, он отметил, что основные положения соглашения уже известны, и что возврат ИРИ на прошлые позиции будет невозможен.

Представители России считают, что никаких «кардинальных» неожиданностей в переговорах не возникнет. «Мы готовы к неожиданностям в том плане, что повороты в диалоге возможны, но эти неожиданности будут скорее тактического и технического свойства, чем какие-то кардинальные изменения. То есть таких землетрясений и схода лавин в любом случае не будет, потому что вся эта площадка изведена вдоль и поперек. В общем, в содержательной части переговоров нет ничего, что нам не было бы понятно», — заявил РИА «Новости» заместитель главы российского МИД Сергей Рябков.

К этому надо добавить, что дата переговоров Ирана и «шестерки» (24 ноября) на проходящей сейчас в Вене трехсторонней встрече может быть перенесена. Само число не играет существенной роли. А вот сами переговоры с Тегераном, видимо, станут действительно последними — на этом настаивает Вашингтон. Вопрос санкций на планете, как известно, решается в Белом доме. И если американские представители пункты соглашения одобряют, к концу ноября санкции с Тегерана начнут сниматься.

И вот тогда-то и можно будет судить о том, к чему приведет на мировом рынке увеличение объемов добычи нефти Ираном. Рост добычи будет происходить медленно и потому не сможет оказать решающего влияния на мировую конъюнктуру. Вашингтон не собирается разом снимать с Тегерана все санкции. Давление будет ослабляться постепенно. Белый дом желает посмотреть, как будет себя вести прощенный мальчик.

К визиту Николая Патрушева в Тегеран

Начинающийся сегодня визит секретаря Совета Безопасности РФ генерала армии Николая Патрушева и представителей «силового блока» в Тегеран — одно из ключевых событий нынешнего года в ирано-российских отношениях. Самое широкое сотрудничество в сфере безопасности между нашими специальными службами, обмен оперативной информацией о взаимных угрозах по широкому спектру вопросов — от активности террористических организаций на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе до проблем трансграничной преступности и наркотранзита — не только настоятельная и давно назревшая необходимость, но и серьезный шаг по углублению стратегического партнерства между Москвой и Тегераном.

Собственно, после того, как 15 октября министр обороны США Чак Хейгел на ежегодном собрании Ассоциации Армии США заявил о том, что «угроза со стороны террористов и мятежников будет существовать для нас еще долгое время, но мы также должны иметь дело с ревизионистской Россией, с ее современной и боеспособной армией, стоящей на пороге НАТО», — то есть по сути провозгласил, что Россия для Вашингтона такая же угроза, как и международный терроризм — вопросы укрепления государственной безопасности для Москвы становятся основным приоритетом. А с учетом того, что основное противостояние военно-политических интересов России и Запада будет разворачиваться на «приграничных территориях» Центральной Азии и Кавказа, самым надежным способом решения этой приоритетной задачи является тесное сотрудничество «силовых» ведомств России и Ирана.

По большому счету, вопрос о том, необходимо ли стратегическое партнерство Москвы и Тегерана, уже полностью утратил свою актуальность и «морально устарел». Поскольку главное требование сегодняшнего дня звучит совершенно иначе: успеет ли руководство двух наших стран создать такой механизм военно-технического сотрудничества, военно-политического взаимодействия и совместной работы в области национальной безопасности — от сотрудничества разведывательных органов двух стран до координации совместных полицейских операций в отношении тех же наркоторговцев — который был бы в состоянии дать адекватный ответ внешним угрозам в отношении России и Ирана.

«Силовиков» и в Москве, и в Тегеране объединяет полное понимание того простого обстоятельства, что ставка на достижение неких «принципиальных договоренностей» с США и его союзниками, ставка, которую вопреки

здравому смыслу продолжают делать определенные политические круги и в России, и в Иране, оказалась несостоятельной и опасной иллюзией. Антииранская и антироссийская политика Вашингтона в последние годы не оставляет места мечтам о возможности «соглашения» и «взаимовыгодного партнерства с Западом». «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих», и если мы хотим обеспечить безопасность и стабильность своих стран, нужно решать эти вопросы самостоятельно, а не надеяться на «добрую волю» США и НАТО. Будем предаваться иллюзиям — получим «управляемый хаос», растущие подобно грибам после дождя террористические и сепаратистские организации, «калечащие санкции» или же постоянный шантаж их введения, а в итоге — «цветные революции» и «гуманитарные» бомбардировки.

Текущая повестка Николая Патрушева и силовиков в Москве и Тегеране

Секретарь российского Совбеза Николай Патрушев, министр обороны Сергей Шойгу, директор ФСБ Александр Бортников и министр внутренних дел Владимир Колокольцев — люди, избегающие публичности и откровенно не любящие красоваться перед журналистами, что вполне объяснимо спецификой их работы. Но именно им и их иранским коллегам — секретарю Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Шамхани, министру обороны Хосейну Дехкану, руководителю министерства информации Махмуду Алави, шефу внешней разведки Ирана Махмуд Реза Саджади и многим другим, удалось сделать для российско-иранского стратегического партнерства гораздо больше, чем тем же «министрам-экономистам» и руководителям МПК из российского правительства или администрации Хасана Роухани.

Когда в мае нынешнего года министры обороны наших стран Сергей Шойгу и Хосейн Дехкан заявили о том, что «Россия и Иран будут развивать военное и военно-техническое сотрудничество, учитывая сложившуюся в мире политическую обстановку», это было официальным признанием того, что российско-иранское сотрудничество в сфере безопасности перешло, по словам Дехкана, «на принципиально новый уровень». Но это заявление было лишь верхушкой айсберга, своего рода «невидимым фронтом» той огромной работы, которую вели «силовики» наших стран для согласования позиций и выработки новых подходов к сотрудничеству Москвы и Тегерана в сфере безопасности.

Для российских «силовиков» всегда было очевидным, что стабильность Ирана является залогом стабильности огромного региона, от Персидского залива до Кавказа и Центральной Азии. При этом, сильный и независимый Иран — не только гарант стабильности, но и естественный барьер для западной и саудовской экспансии в «мягкое подбрюшье» России, в ту самую «дугу нестабильности», которая проходит по бывшим южным республикам СССР. Но стратегическая необходимость партнерства по силовому и военно-техническому блоку с Тегераном, очевидная для российских государственныхников, требует конкретных шагов по созданию общих для наших стран механизмов безопасности, что представляет собой достаточно сложную задачу.

Тем не менее, что на сегодня наиболее необходимо, первостепенно нашим странам для полноценного сотрудничества по линии обороны и безопасности?

Во-первых, создание надежной правовой базы для взаимодействия силовых структур.

Во-вторых, запуск системы обмена оперативной и разведывательной информацией, касающейся деятельности террористов, преступных группировок и военно-политической активности третьих стран.

В-третьих, согласование целей и задач, решаемых на «южном фланге» Москвы российским министерством обороны — повышение военной эффективности российских баз, модернизация вооруженных сил наших союзников и проведение мероприятий по формированию из достаточно рыхлой и невнятной Организации Договора по коллективной безопасности (ОДКБ) структуры, способной адекватно реагировать на региональные угрозы — с военно-политическими интересами Тегерана.

В-четвертых, полный аудит нынешнего состояния военно-технического сотрудничества Москвы и Тегерана, незамедлительный запуск ВТС между двумя странами во всех сферах до уровня стратегического партнерства.

Примерно так выглядит поэтапный план создания общих механизмов безопасности не только для двух наших стран, но и для региона в целом. Именно реализацией этого плана заняты сегодня российские и иранские «силовики». И нужно с удовлетворением отметить, что два первых пункта уже отработаны на практике и, скорее, по итогам поездки Николая Патрушева будут закреплены согласованными двумя сторонами и подготовленными к подписанию протоколами, в числе которых — дополненное соглашение об обмене разведывательной информацией, касающейся деятельности террористических организаций, действующих как на Ближнем Востоке, так и на Кавказе, и в Центральной Азии. Особое внимание в этом документе, по имеющимся в редакции Иран.Ру сведениям из достоверных источников, будет уделено воюющим в бандформированиях на территории Сирии и Ирака выходцам из бывших республик СССР, которые, набравшись «боевого опыта», затем могут быть использованы для подрывных и террористических операций в государствах, гражданами которых они являются. Но если с первыми двумя пунктами все обстоит достаточно благополучно, то вот вторая половина общей для наших стран повестки дня требует дополнительных согласований и серьезной проработки.

Срочные задачи завтрашнего дня

Вопрос российско-иранского сотрудничества в военно-технической и военно-политической сферах не отделим от той политики укрепления безопасности, которую Москва методично и без особого пропагандистского шума проводит на своем «южном фланге», в первую очередь, в рамках ЕАЭС и ОДКБ. Серьезные поставки вооружений в Киргизию и Таджикистан, восстановление единой системы ПВО на южных границах, начинающаяся «вторая жизнь» объектов российских Войск воздушно-космической обороны, расположенных на территории союзных республик, («Окно» в Таджикистане и полигон «Сары-Шаган» в Казахстане) — все это складывается в

комплексную программу. Россия, де-факто, берет на себя ответственность за военную безопасность центральноазиатского региона, и, одновременно, наполняет реальным содержанием военную интеграцию с членами ЕАЭС и Узбекистаном.

Волне очевидно, что успешная реализация этой программы не возможна без кооперации на отдельных направлениях с военно-политическими интересами и возможностями Ирана. Как минимум два вопроса: сотрудничество с Тегераном в вопросах по созданию Единой (Объединенной) системы противовоздушной и противоракетной обороны ОДКБ и его участие в деятельности Консультационно-координационного центра Организации по вопросам реагирования на технологические (компьютерные) инциденты, достаточно актуальны и, что самое главное, могут быть решены уже в ближайшее время. Но при условии, что Москве удастся убедить своих партнеров по ОДКБ в необходимости привлечения иранского потенциала и возможностей.

А потенциал и возможности Ирана в вопросах ПВО, радиотехнической разведки и кибербезопасности уже получил высокую оценку российской стороны в ходе визита в Иран главкома российских ВВС генерал-лейтенанта Виктора Бондарева, которому его иранские коллеги не только презентовали принятую на вооружение иранской армией копию американского беспилотника ScanEagle, но и показали действующую систему мониторинга оперативной обстановки в Персидском Заливе, которая представляет собою сложный комплекс из средств технической разведки. Причем, этот комплекс в случае необходимости способен достаточно эффективно вести радиоэлектронную борьбу с техническими средствами ПВО американского и израильского производства. Совсем недавно Иран доказал всему миру свой высокий технологический уровень, когда целым и невредимым посадил на своей территории суперсовременный американский беспилотник RQ-170.

Проблема заключается в том, что некоторые члены ОДКБ весьма настороженно относятся к любому расширению сотрудничества с Ираном, а потому любой шаг Москвы в деле кооперации с Тегераном в рамках Организации, как бы необходим и значим для безопасности наших стран он ни был, будет встречать серьезное политическое сопротивление некоторых союзников России. Еще больше сложностей нашим странам предстоит преодолеть в вопросах расширения военно-технического сотрудничества.

Между тем, к концу прошлого года стало понятно, что объем российского экспорта вооружений достиг своего потолка и в ближайшее время в лучшем случае не увеличится, а в реальности, учитывая нарастающее западное давление на страны, активно приобретавшие в прошлые годы продукцию отечественного ВПК, может даже серьезно сократиться. И это при том, что западные эксперты прогнозируют, что к 2020 году объем мировой торговли оружием увеличится вдвое. Вполне очевидным в складывающейся ситуации решением было бы расширение военно-технического сотрудничества с Тегераном, выход российских оружейников, например, таких отечественных гигантов как Объединенная Авиастроительная Корпорация или концерн ПВО «Алмаз-Антей», на иранский рынок, который способен дать и дополнительные средства для нашего ВПК, и сгладить негативный эффект от выдавливания России с других рынков вооружений. Но здесь все далеко не так просто, поскольку Иран давно уже перерос уровень простого «закупщи-

ка» вооружений, свидетельство чему — успехи страны в области ракетных и иных технологий, в том числе — технологий двойного назначения. Тегеран стремится не просто к роли покупателя российского оружия, как бы политически ни был значим этот шаг, а к равноправному партнерству в НИОКР и модернизации вооружений, то есть к уровню военно-технического сотрудничества, который до этого существовал у РФ только с Китаем.

Решение о переходе на этот, качественно новый уровень, в целом отвечает стратегическим интересам России, диктует заключение отдельного Большого Соглашения между Москвой и Тегераном о военно-техническом сотрудничестве между РФ и ИРИ. Но вокруг принятия такого решения разворачивается ожесточенная борьба между российскими «силовиками» и теми в правительстве, кто не оставил надежд на «мирный» исход конфликта с Западом, кто до сих пор надеется, что нынешняя вспышка антироссийской истерии — временное явление, за которым последует новый период «дружбы с Вашингтоном» в ущерб интересам обороны и государственной безопасности РФ.

Визит секретаря российского Совета Безопасности и сопровождающих его представителей российских «силовых» министерств в Тегеран, визит, который должен завершиться подписанием ряда серьезных протоколов, свидетельствует о том, что повестка ирано-российского партнерства в области безопасности сформирована и воплощается в жизнь. Но мир стремительно меняется, в отношении наших стран возникают все новые угрозы извне, ответ на которые могут дать смелые совместные инициативы Москвы и Тегерана, подкрепленные реальным двусторонним сотрудничеством. Будем надеяться, что поездка Николая Патрушева и его встречи с иранскими коллегами послужат началом работы по формированию такой системы безопасности, которая станет достойным ответом на угрозы Вашингтона и его союзников в отношении двух наших стран.

Владимир Алексеев

Итоги переговоров в Вене. Напряженность нарастает

С каждым днем, по мере приближения конца ноября, когда должен состояться последний раунд переговоров по ядерной программе ИРИ между Тегераном и «шестеркой», в Иране нарастает обеспокоенность, все в напряженном ожидании отмены двухсторонних и международных финансово-экономических санкций, введенных по инициативе США. Страна устала от того, что до сих пор никак не удастся выйти на окончательное решение вопроса. А ведь это было основным предвыборным обещанием Хасана Роухани, когда он баллотировался на пост президента ИРИ полтора года назад. И многие предрекают серьезные сложности у главы иранского государства, если он не добьется задекларированной цели, от достижения которой зависит будущее Ирана и экономическое благополучие иранского народа.

Трудности переговорного процесса

План совместных действий на год, создавший основу для нынешнего переговорного процесса, был согласован Ираном и «шестеркой» в Женеве 24 ноября 2013 года. Он предполагал, в частности, что Иран избавится от половины накопленного урана, обогащенного до 20%, а вторую половину доведет до 5%. Кроме того, Тегеран прекратит обогащение урана больше 5%, а также приостановит работы на обогатительных предприятиях в Натанзе, Фордо и площадке тяжеловодного реактора в Араке. В свою очередь страны «шестерки» обещали не вводить новых санкций вообще, новых ограничений на экспорт иранской нефти, снять ограничения на экспорт нефтепродуктов и драгоценных металлов, а также разморозить часть зарубежных активов Тегерана.

Имплементация договоренностей, рассчитанная на полгода, началась 20 января с.г., а стороны решили за шесть месяцев подготовить окончательное соглашение. За это время Иран полностью выполнил взятые на себя обязательства, получив в ответ ослабление санкционного режима. Однако к 20 июля документ согласовать не удалось, и стороны договорились сдвинуть конечную дату на 24 ноября. При этом Иран обязался превратить весь оставшийся обогащенный до 20% уран в ядерное топливо. Со своей стороны, «шестерка» согласилась продолжать не использовать против Ирана ряд прежде одобренных санкций и предоставить Тегерану доступ к 2,8 млрд долл. из его арестованных банковских активов.

Отсутствие оптимизма

16 октября в Вене прошел очередной раунд переговоров в формате встреч иранской делегации с группой международных посредников, положивший конец продолжительной паузе в сильно затянувшемся переговорном процессе по урегулированию иранского ядерного досье. Причем еще накануне участники встречи не выражали особого оптимизма. Так, руководитель рабочей группы иранских экспертов, заместитель главы иранского МИДа Аббас Аракчи заявил накануне: «Вероятно, до объявленной заранее даты, то есть до 24 ноября, окончательное урегулирование и не будет достигнуто, но срок переговоров будет продлен». Параллельно американскую позицию озвучил в Вашингтоне пресс-секретарь Госдепартамента, сказавший, что администрация США смотрит на предстоящие переговоры со сдержанным

«Вероятно, до объявленной заранее даты, то есть до 24 ноября, окончательное урегулирование и не будет достигнуто, но срок переговоров будет продлен»

оптимизмом, но для достижения соглашения еще достаточно времени, а все стороны заинтересованы в том, чтобы все совершилось в отведенные сроки. Тем самым США дали ясно понять, что мяч находится на иранской стороне поля и спешить нужно именно Тегерану. Иранцам послан очередной сигнал: хотите снятия санкций, делайте так, как мы говорим, иначе будете ждать еще.

Как обычно, накануне переговоров прозвучало несколько заявлений и из Тель-Авива. Премьер-министр страны Биньямин Нетаньяху сказал, что для его страны неприемлемо соглашение, которое позволит Ирану продолжать обогащение урана, ибо это открывает дорогу к накоплению запасов

урана, необходимых для создания ядерных боеголовок. В Иерусалиме опасаются, что в Вене, возможно, будет подписано наспех достигнутое соглашение. Лучше вообще не подписывать окончательный документ, чем подписать заведомо проигрышный. Эти слова прозвучали как прямая угроза в адрес Ирана, и, кроме того, помогли США сохранить жесткую позицию к Тегерану. Ясно, что Вашингтон и Тель-Авив играют в одной связке. Но насколько стороны адекватно понимают сложность ситуации? Сейчас будущее региона во многом зависит от результатов переговоров «шестерки» с Ираном. И роль Израиля в этом значительна. Хотя, похоже, в Тегеране, некоторые ответственные лица полагают, что иранская нефть для Вашингтона важнее интересов Израиля в регионе.

Ядерное оружие — единственная гарантия безопасности

США и их западные партнеры сейчас невольно, по своей глупости поступают так, чтобы в мире укрепилась идея о том, что ядерное оружие — единственная и самая надежная гарантия безопасности своей страны и сохранения своего суверенитета. Поэтому многие западные и израильские эксперты исходят из того, что Иран может создать атомную бомбу за 2–3 месяца с того момента, как Тегеран примет политическое решение о ее создании. Они считают, что он обязательно примет это решение в тот момент, когда будут ослаблены санкции и все внимание переключится на другие горячие темы

Ближнего Востока, которых на сегодня более чем достаточно. Зачем это Тегерану надо, задаются они вопросом. Да есть зачем, и тут же сами отвечают. У Северной Кореи есть ядерное оружие, и пожалуйста, как бы она себя не повела, никто ее не трогает, так как в случае чего можно по зубам получить. Наконец, самый свежий пример: кризис на Украине показал, что единственной гарантией безопасности любого государства, особенно крупного, богатого ресурсами и важного с геополитической точки зрения, является только наличие ядерного оружия и средств его доставки. Без него даже такая мощная страна как Иран может быть покорена жестким или мягким путем — либо военной силой (агрессией), либо путем «цветной революции», либо постепенным удушением санкциями.

Без этого Тегеран обречен оставаться в фокусе давления со стороны США, Израиля и Саудовской Аравии. Тем более в Иране достаточно тех, кто готов капитулировать перед Западом в обмен на снятие санкций, наивно полагая, что вслед за этим иранская экономика незамедлительно получит неограниченный доступ к иностранным инвестициям и самым передовым западным технологиям. Опыт других стран, последовавших этому курсу, ничему не учит. Например, соседнего Ирака. С другой стороны, иранцев можно понять: обладая гигантскими ресурсами и возможностями, страна в условиях санкций вынуждена фактически выживать, а не развиваться ускоренными темпами.

Трудности сохраняются

Пока Тегеран скован подписанным 24 ноября прошлого года временным соглашением между Ираном и международными посредниками. Его суть состоит в том, что оно дает возможность законсервировать иранскую ядерную программу в нынешнем ее состоянии, то есть, не устанавливать дополнительные центрифуги, отказаться от использования новейших модернизированных центрифуг, прекратить монтаж новых мощностей по обогащению урана и выделения плутония. На основании этого документа ИРИ запрещено обогащать уран выше уровня 5%, не позволено продолжать строительство реактора на тяжелой воде в Араке, способного производить плутоний. В условиях, когда до даты выработки постоянного соглашения остается около месяца, все больше фактов указывают на то, что в срок вряд ли удастся провести гигантскую работу по устранению разногласий как между Ираном и «шестеркой», так и внутри группы международных посредников. Причем многие из этих разногласий во многом носят надуманный характер и искусственно раздуваются США. А поскольку никто не захочет признавать провал переговоров, полгода плавно перерастут в год, два и так далее. И окончательное соглашение так и не будет заключено. Именно это объясняет тот факт, что Израиль так сильно противостоял идее подписания временного соглашения, поскольку, по мнению Тель-Авива, нужно все сделать для того, чтобы было подписано окончательное соглашение в таком виде, чтобы оно максимально отодвинуло срок создания Ираном ядерного оружия.

ИРИ запрещено обогащать уран выше уровня 5%, не позволено продолжать строительство реактора на тяжелой воде в Араке, способного производить плутоний

Но все понимают, что сначала в Иране на политическом уровне должно быть принято такое решение, означающее серьезную уступку Западу. Кроме того, западные страны выступают за введение эффективных мер контроля над состоянием иранской ядерной программы. Этого можно достичь только присоединением ИРИ к Дополнительному протоколу к Договору о нераспространении ядерного оружия, в котором предусмотрен механизм жесткого и оперативного контроля над ядерной программой.

Итоги венских встреч

Пока что ясно одно — недавние переговоры «шестерки» с Ираном в Вене ни к чему конкретному не привели. Более того, они были кратчайшими за всю историю встреч в этом формате. Кроме того, вряд ли можно назвать эти переговоры полноценной встречей Ирана с «шестеркой». На деле переговоры прошли с участием трех сторон — между Комиссаром по внешней политике и безопасности ЕС Кэтрин Эштон и главами внешнеполитических ведомств США и ИРИ Дж. Керри и М. Зарифом. А встреча политдиректоров была необходима «шестерке» лишь для того, чтобы зафиксировать договоренности, достигнутые в трехстороннем формате за два предыдущих дня во время консультаций глав внешнеполитических ведомств Ирана, ЕС

Недавние переговоры «шестерки» с Ираном в Вене ни к чему конкретному не привели

и США. Джаваду Зарифу, Кэтрин Эштон и Джону Керри предстояло найти развязки по вопросам ядерной программы Ирана и санкций в отношении страны. Именно по этим темам сохраняются наибольшие разногласия между ИРИ и Западом в рамках работы над всеобъемлющим соглашением по ядерной программе.

Переговоры Зарифа с Керри и Эштон продолжались в общей сложности 6 часов на трех заседаниях. Это стало самой продолжительной и шестой по счету встречей глав внешнеполитических ве-

домств Ирана и США за все «послереволюционные» 35 лет. На итоговой пресс-конференции секретарь американской делегации отметил, что на встрече достигнут определенный прогресс, но впереди еще много работы по сближению точек зрения. При этом было сказано, что вряд ли понадобится дополнительное время, окончательный текст соглашения может быть согласован именно к 24 ноября. Это же подтвердил и глава иранских переговорщиков — нет необходимости в продлении срока переговоров. «Мы достигли прогресса по ряду вопросов. Нам надо договариваться. Запад должен признать мирный характер иранской атомной программы и перестать душить нас санкциями. Главное в нашем диалоге — доверие. И Запад должен его продемонстрировать. Только на этой основе возможно прийти к соглашению, которое уже маячит на горизонте». Что же это означает в переводе с дипломатического языка на обычный?

Решение возможно, но на условиях Вашингтона

Видимо, пока только одно — решить вопрос можно к 24 ноября, но исключительно путем принятия политического решения: либо уступят

США, либо на уступки пойдет Тегеран. Ясно, что Вашингтон не уступит. Так что проблема состоит не в технических деталях, а исключительно в том, насколько Иран готов удовлетворить требования Вашингтона, за которыми стоит не столько желание свернуть ядерную программу ИРИ, сколько намерение подчинить себе Иран в политическом и экономическом плане.

США считают, что сейчас Ирану деваться некуда. С каждым днем напряженность нарастает. Иран должен получить это соглашение и за одно отмену санкций, иначе иранское общество просто взорвется. Они думают, что сейчас самый подходящий момент надавить на Иран до последнего, получить максимум уступок. Они думают, что на карту поставлено очень многое и, если в течение месяца не будет соглашения, то для Хасана Роухани после 24 ноября наступят совсем другие времена.

Американцы, считают, что они сегодня как никогда близки к благоприятному исходу в своей глобальной политике — решению иранского вопроса, причем, без жертв и даже без единого выстрела. То есть путем калечащих санкций и удушения экономики, практически на ровном месте, можно получить модификацию нынешнего иранского режима по американским «демократическим» лекалам и подчинение политики иранского руководства диктату США на Ближнем Востоке. Сориентировать Иран на реализацию американских целей против России, прежде всего в нефтегазовой сфере, способствовать усилению американского проникновения на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Иначе санкции не будут сняты. Ведь, по сути, Иран — последнее крупное государство в регионе, которое стоит на пути американской экспансии на южных рубежах России, проводит политический курс, отвечающий национальным интересам ИРИ и идеологии исламской революции. Без включения Тегерана в орбиту своего влияния США не смогут добиться ни одной цели на Ближнем Востоке и в сопредельных районах. И прежде всего на нынешнем переломном этапе Вашингтон не сможет реализовать свои задачи в Ираке, Сирии и Афганистане.

Сейчас никто не может предсказать с точностью на 100%, что произойдет 24 ноября. Но терпение иранского народа на исходе, напряженность в обществе нарастает. С другой стороны, нельзя не понимать и того, что 24 ноября — это не только рубеж по решению вопроса в связи с ядерной программой Ирана, но и момент, когда определится будущее этой страны. Будет ясно, подчинились США все-таки Тегеран своей воле, или же Иран, несмотря на чудовищное давление и адские трудности, сохранит свой суверенитет и независимость, гордо и уверенно будет отстаивать свои национальные интересы. Ждать осталось недолго. Но от этого зависит не только будущее Ирана, но и всего региона, а возможно, и глобальная расстановка сил в мире. В том числе от этого будут зависеть позиции России на Ближнем Востоке, в Закавказье и в Центральной Азии, а также во многих других важнейших сферах.

Игорь Панкратенко

Отец терроризма — американская иранофобия

Возмущение Вашингтона гибелью мирных людей, чуть ли не ежедневно гремящими взрывами, зверствами джихадистов — лицемерны и лживы. Террор на Ближнем и Среднем Востоке, кровавый след которого пятнает и уродует и остальные части мира, — это прямой результат параноидальной иранофобии, политики «сдерживания Ирана», которую на протяжении трех последних десятилетий США и их поделщики проводят от Ирака и Сирии до Афганистана и Центральной Азии.

«Самая демократическая страна» всегда стремилась стать «мировым жандармом», единолично решающим, кого казнить, а кого жаловать субсидиями и политической поддержкой. Тегеран, после Исламской революции поднявший голос против этой вопиющей несправедливости мирового устройства, против узурпации Вашингтоном права решать за другие народы «что такое хорошо, а что такое плохо», стал одной из главных мишеней необъявленной войны, которую Америка ведет по всему миру.

Ведь, если разобраться, что такое иранофобия Вашингтона? Ну, какую реальную угрозу сверхдержаве, могущество которой непоколебимо зиждется на долларе и авианосных ударных группировках, может представлять Иран, если военно-политические и экономические потенциалы двух этих стран попросту несравнимы? Оказывается — может, поскольку в истоках американской иранофобии лежит не страх перед мифическим ядерным оружием или иранскими межконтинентальными ракетами, а боязнь исходящей от Тегерана идеи справедливого мироустройства, идеи равенства государств перед международным правом, идеи свободы каждого народа в выборе собственной судьбы.

Вашингтон ведет свою войну не против «иранского атома», не против «тоталитарного режима аятолл». Он борется с Идеей, и в этой борьбе, называемой им «политикой сдерживания Ирана», не гнушается самых невероятных альянсов с теми, чьи руки по локоть в крови, не останавливается перед применением одного из наиболее страшных сегодня видов оружия массового поражения — управляемого терроризма.

«Суннито-шиитское противостояние», о котором любят рассуждать эксперты, в действительности представляет из себя бомбу, калечащую десятки и сотни тысяч ни в чем не повинных людей. И на этой бомбе горделиво кра-

суется клеймо «Сделано в США». Фактов того, что именно американская иранофобия стала причиной терроризма, раковой опухолью поразившей Восток, — более чем достаточно, уже тридцать с лишним лет Вашингтон действует по принципу — любая террористическая группировка, даже самая кровавая, любой режим, даже самый недемократический, лучше, чем усиление иранского влияния. А этот принцип, в свою очередь, сиамский близнец другой характерной черты американской дипломатии — нежелание поддерживать любые, даже выгодные самим США инициативы Тегерана в области нормализации отношений с Западом (включая и его вассалов на Ближнем Востоке — Эр-Рияд, Доху и Тель-Авив) и укрепления безопасности в регионе.

Саддам Хуссейн — лучший друг Америки в борьбе с Ираном

Иракская агрессия против Ирана была воспринята в Вашингтоне с удовлетворением, поскольку Саддам, по сути, делал за американцев их работу — боролся с теми, кто пришел к власти в Тегеране после Исламской революции. Разумеется, официальные цели войны, провозглашенные иракским диктатором, звучали по-иному: Саддам говорил о желании освободить братьев-арабов, томящихся под властью персов, намеревался полностью контролировать стратегически важную реку Шатт-аль-Араб и присоединить к себе провинцию Хузестан — сердце Ирана, где находились девяносто процентов разведанных тогда иранских месторождений нефти. Словом, это был классический пример захватнической войны за территории и ресурсы, но разве могло данное обстоятельство смутить Вашингтон?

С 1981 года в администрации тогдашнего американского президента Рональда Рейгана стали присматриваться к Саддаму Хусейну: может быть, это именно тот человек, который сумеет создать бастион против «экспорта Исламской революции»? В конце концов в Белом доме решили, что если Ирак проиграет войну, то аятолла Хомейни распространит влияние Ирана на весь Ближний Восток, а этого допустить было никак нельзя. И процесс пошел...

В 1982 году государственный департамент США, несмотря на возражения конгресса, вычеркнул Ирак из списка стран, поддерживающих терроризм. Еще через год американцы сняли эмбарго на поставку оружия в Ирак, введенное в семидесятых годах, из-за того, что Багдад укрывал у себя «палестинских террористов».

В декабре 1983 года в качестве личного посланника президента США Багдад посетил Дональд Рамсфелд, будущий министр обороны в правительстве Джорджа Буша-старшего. Среди инструкций, которых он был обязан придерживаться на встрече с Саддамом Хуссейном, была и такая: «Правительство США признает нынешнее затруднительное положение Ирака в войне на истощение, так как Иран имеет доступ к Персидскому заливу, а Ирак его лишен, и будет рассматривать любой крупный, неблагоприятный для Ирака поворот событий как стратегическое поражение Запада».

Чуть позже Рамсфелд заявит королю Иордании Хусейну, важному участнику американо-иракских контактов, что США обеспокоены тем, что поражение Ирака может угрожать остальным странам региона, в частности

Саудовской Аравии, поскольку в таком случае Америка может полностью лишиться доступа к нефти из Персидского залива. В Ирак пошла американская помощь, в Багдаде начала работу «миссия наблюдателей» армии США, которая регулярно снабжала иракских военных самой свежей разведывательной информацией. Стремясь обеспечить своему «союзнику» победу, американцы мало того, что никак не отреагировали на применение Саддамом Хуссейном химического оружия против иранцев, но и заблокировали рассмотрение этого вопроса в Совете Безопасности ООН.

В сотрудничестве с иракской разведкой спецслужбы США и Израиля оказали всемерную помощь террористам из «Организации моджахедов иранского народа», которым открыто покровительствовал Саддам Хуссейн, предоставив возможность организовать тренировочные лагеря на своей территории. Иракского диктатора повесили его же вчерашние союзники, но дело «раиса» (раисом в Ираке называли Саддама Хусейна) живет — сотрудничество с «моджахедами», начало которому положил Хуссейн, ЦРУ и Моссад продолжают по нынешний день, и никого в Вашингтоне и Тель-Авиве не смущает, что «моджахеда» были причастны к убийству как минимум 10 американских граждан.

После того, как американцы расправились с Хуссейном, Тегеран в 2003 году предложил Вашингтону всеобъемлющий договор, касавшийся не только совместной работы по стабилизации Ирака, но и содержавший предложения по урегулированию всех спорных вопросов между США и Исламской республикой — от поддержки Хезбаллы и урегулирования израильско-палестинского конфликта до вопросов, связанных с ядерной программой Ирана. На эти мирные инициативы американцы не только ничего не ответили, полностью проигнорировав обращение иранской стороны, но и начали программу поддержки суннитских «ополченцев» Ирака для «противодействия растущему влиянию Тегерана на Багдад». В числе тех, кто в те годы получил эту поддержку американской армии и ЦРУ, были и люди, составившие через несколько лет костяк «Аль-Каеды в Ираке», преобразованной потом в «Исламское государство Ирака и Леванта».

Антииранские игры с Талибаном

Еще в 1992 году, во время своей поездки по Центральной Азии, тогдашний американский госсекретарь Джеймс Бейкер публично объявил о том, что «сдерживание роста влияния Ирана будет представлять собой главную цель политики США в центральноазиатском регионе». Спустя четыре года просто «сдерживания» показалось недостаточным, и с приходом в Белый дом Билла Клинтона было объявлено о «двойном сдерживании» — введении первых санкций в отношении нефтяного сектора Исламской республики и использовании Талибана в борьбе против того же пресловутого, ставшего настоящим маниакальным синдромом американского истеблишмента, «расширения иранского влияния».

К политике добавилось ожидание больших денег — в 1995 году американская компания Unocal предложила построить через Афганистан газопровод, по которому туркменский газ мог бы поставляться в Пакистан и в Индию. Причем, представители пакистанской межведомственной разведки уверяли американских коллег, что их «подопечные» — талибы — вполне способны

не только обеспечить безопасность этого проекта, но и будут представлять собою надежный барьер любым попыткам Ирана расширить свое влияние в Афганистане и на Центральную Азию.

Аналогичных взглядов, что интересно, придерживались и израильтяне и, что важнее, произраильское лобби в США. В полном согласии с американским госдепартаментом Израиль видел в талибах антииранскую силу, которую просто необходимо было использовать для подрыва иранского влияния в регионе. Поэтому израильский Моссад через представительства талибов в США и при нефтяных компаниях начал готовить почву для сотрудничества, а в качестве серьезности своих намерений передал представителям Талибана два миллиона долларов наличными.

Сегодня в это трудно поверить, но в 1994–1996 годах США оказывали всемерную политическую поддержку Талибану, а через своих союзников, Пакистан и Саудовскую Аравию, и поддержку материальную. В Вашингтоне закрывали глаза на фундаменталистскую программу талибов, их средневековую жестокость и на ту озабоченность, которую усиление этого движения вызывало в соседних с Афганистаном государствах. Более того, некоторые американские дипломаты в своих донесениях и заявлениях для прессы представляли талибов глубоко религиозными и добродетельными людьми, похожими на новых христиан из «Библейского пояса» в Америке, людьми, которые любят США и в доказательство этой любви готовы решить главные задачи американской политики в Афганистане — «убрать наркотики, бандитов и иранцев».

Через несколько часов после взятия талибами Кабула в сентябре 1996 года госдепартамент США объявил, что он установит дипломатические отношения с Талибаном и пошлет в Кабул своего официального представителя. Пресс-секретарь госдепартамента Глин Дэвис тогда заявил, что США «не имеют возражений» против установленных талибами законов ислама, поскольку, по его словам, «Талибан обращен скорее против современности, нежели против Запада». Приветствовали приход талибов к власти и в конгрессе США: «Происходящее означает, что одной из фракций наконец-то удалось создать дееспособное правительство в Афганистане», — говорил своим коллегам-сенаторам Хэнк Браун, один из ярых сторонников предложенного Unocal проекта газопровода через Афганистан.

Спустя три года, когда истинное лицо Талибана уже ни для кого секретом не было, когда казни «отступников» стали афганскими буднями, американские представители продолжали твердить все об одном и том же: «Из-за нестабильности в Афганистане и Таджикистане лидеры всех центрально-азиатских государств ходят по острию ножа. Их страшит распространение иранского влияния и рост экстремизма и насилия в их странах», — говорил Стивен Сестанович, специальный советник госдепартамента США по делам бывшего Советского Союза. А кто создавал условия для роста экстремизма? Те же США в 1996 году финансировали деятельность талибов по поддержке движения Ахль-и-Сунна Валь Джамаат, которое вербовало боевиков из числа иранских суннитов в провинциях Хорасан, Систан и Белуджистан. Представители «Джамаата» — иранские туркмены, афганцы и белуджи — заявляли, что главная цель их «джихада» заключается в свержение шиитского режима в Тегеране и установление суннитского режима в стиле Талибана. Эта абсолютно безумная идея возражения ни у американцев, ни

у пакистанцев и саудитов — всех, поощрявших талибов передавать этой террористической группировке часть полученных от Исламабада и Эр-Ри-яда денежных средств и оружия — не вызывала. И вновь все предложения Тегерана по афганскому урегулированию, даже по такой острой проблеме как борьба с наркотиками, отвергались в Вашингтоне, что называется, «с ходу», потому как призрак «иранского влияния» страшнее реального потока героина.

Сквозь зубы и с крайней неохотой отечественные и зарубежные «радетели Вашингтона» cedят из себя слова о том, что «да, дескать, были временами ошибки, не на тех ставили, не тех вооружали, но сейчас все это в прошлом, сейчас мы опять боремся с террористами». Вот именно что — опять! «Исламское государство», «новый Талибан», «моджахеды» всех мастей — выкормыши США и порождение противоестественных связей, вроде антииранского и антисирийского альянса Израиль-Саудиты, созданного «неистовым Биби» Нетаньяху и окончательно свихнувшейся на страхе перед «шиитским полумесяцем» саудовской династией.

Вновь полыхает Ирак, льется кровь в Сирии и Афганистане, «трясет» весь регион — и все это последствия американской политики «сдерживания Ирана» при помощи вербуемых из числа салафитов террористов. Саддам Хусейн, Усама бен Ладен, мулла Омара, а теперь и Абу-Бакр аль-Багдади не смогли бы осуществить и сотой части своих преступлений, не будь они так или иначе поддержаны Вашингтоном. Это не политические ошибки — это поведение маньяка, одержимого навязчивой идеей, ради которой он готов убивать всех вокруг себя. И это, пожалуй, самое главное, что нужно помнить всем, кто рассуждает об истоках, корнях и «родителях» терроризма на Ближнем и Среднем Востоке.

Владимир Алексеев

России нужен сильный и стабильный Иран

По мере приближения 24 ноября, когда будет решаться вопрос об окончательном соглашении по иранскому ядерному досье в обмен на снятие с ИРИ международных санкций, возрастает напряженность вокруг данной проблемы. С одной стороны, доминирует пессимизм в окончательном подписании Соглашения между Тегераном и «шестеркой» в эти сроки, с другой стороны, иранцы очень сильно рассчитывают, что Соглашение будет все-таки подписано и в срок.

О позиции России

Надо прямо сказать, Москва твердо выступает за скорейшую отмену санкций и считает, что Тегеран уже сделал все что мог сделать. «Прогресс имеет место, мы не топчемся на месте, но по главным проблемам ситуация не изменилась», — сказал глава российской делегации Сергей Рябков. При этом он признал, что не только известные вопросы обогатительной программы Ирана, графика снятия санкций и будущего реактора в Араке «не отрегулированы». «В дополнение к ним есть целая серия тем, которые пока не могут быть отнесены к разряду полностью согласованных и тем более положенных на бумагу», — сообщил дипломат. «Это касается вопросов проверки и транспарентности, это касается продолжительности готовящегося соглашения, некоторые другие темы, без решения которых не получится выйти на компромисс и финальный пакет», — уточнил он. То есть Сергей Рябков упомянул именно те вопросы, которые продвигают американцы в качестве условия для выхода на окончательное соглашение. При этом нужно отметить и другое — в Вашингтоне открыто дают понять, что заключение соглашения не означает автоматическое снятие санкций, так как необходим некий период проверки того, выполнит ли Иран свои обязательства. А в Тегеране исходят как раз из обратного: соглашение должно автоматически означать отмену санкционного режима.

Что нужно и выгодно России?

Фактически, только Россия и Китай ведут честную игру по ядерному досье Ирана. Ведь Москва никогда не увязывала решение этого вопроса с задачей по изменению нынешнего политического режима в Тегеране. В отличие от

США, которые используют конфликт вокруг ядерной программы Ирана именно для замены «революционного» режима ИРИ на прозападный, марionеточный, подчиненный политической воле Вашингтона. И для этого, ведя переговоры по ядерному досье с Ираном, американцы параллельно расшатывают устои нынешней иранской власти путем подрыва стабильности в ИРИ, разжигая оппозиционные настроения с использованием санкционной темы, которая навязана как раз США, а также разогревая межэтнические конфликты в многонациональном иранском государстве. Поддержка пятой, либеральной колонны и защита религиозно-этнических меньшинств — стандартный набор методов Вашингтона для раскачивания неудобных режимов.

В отличие от США, Россия заинтересована в сильном Иране, который может устоять перед натиском агрессивного давления самой Америки, ЕС, НАТО, Израиля и монархий ССАГПЗ. Результаты подобной подрывной работы Вашингтона и его союзников налицо: Ирак, Ливия, Сирия, Афганистан и т.д., которые превратились в источник региональной и мировой нестабильности, площадку распространения терроризма, угрозу поставкам энергоресурсов в Европу и Азию. А если внутренний конфликт полыхнет в Иране, то это станет просто гигантской катастрофой, учитывая размеры страны и численность ее населения, не говоря уже о стратегически важном расположении в центре основных мировых запасов углеводородов. И Россия готова на деле помочь усилению ИРИ, прежде всего путем укрепления обороноспособности этой страны путем поставок ей самых современных видов вооружений и военной техники, особенно средств ПВО, боевых самолетов, бронетехники, кораблей и т.д. И тогда Тегеран сможет не бояться угроз и шантажа Запада, Израиля и ССАГПЗ.

Явно настало время переходить в этом вопросе к практическим делам. А для этого нужно найти пути, которые позволили бы России либо выйти из санкционного режима, либо доказать мировому сообществу и ООН незаконность сохранения санкционного режима. Причем Москва как никто другой сейчас должна понимать всю несправедливость санкций США и ЕС, испытывая их действие на себе под надуманным предлогом военного вмешательства во внутренние дела Украины. Ведь фактически РФ и ИРИ оказались в одной лодке. Поэтому нужно объединяться и привлекать к себе другие страны, которые потенциально могут стать объектами санкционного воздействия Запада. И ставить во главу угла создание мощной региональной структуры безопасности, например, на базе ШОС, но наполнив ее военно-политическим и оборонным содержанием. Можно создать новую систему региональной безопасности с участием России, Центральной Азии, Большого Кавказа и Ирана. И как вариант — новую организацию в составе России, Ирана, Сирии, Ирака со штаб-квартирой в Тегеране. Со временем к этой организации могут присоединиться и другие страны. Тема более, что это соответствует новой доктрине внешней политики России, фактически оглашенной на днях президентом Владимиром Путиным на Валдайском форуме в Сочи. Как заявил российский лидер: «И логичный путь — это кооперация стран, обществ и поиск коллективных ответов на увеличивающиеся вызовы, совместное управление рисками. Миру нужна правовая, политическая, экономическая основа нового миропорядка, которая обеспечила бы стабильность и безопасность, при этом поощряла бы здоровую конкуренцию».

Иран — самый перспективный партнер в сфере ВТС

Чтобы ИРИ стала реальным партнером РФ в противостоянии агрессивной линии Запада, необходимо как можно быстрее поставить Исламской республике самые современные вооружения для иранской армии, способные сорвать любые попытки силового давления, прежде всего со стороны США. В первую очередь речь идет о наиболее продвинутых системах ПВО, таких как ЗРК «С-300» и «С-400», «Панцирь» и т.д. В Вашингтоне прекрасно понимают, что способность иранцев уничтожить практически все боевые самолеты и ракеты США, дислоцированные в зоне Персидского залива, сведет на «нет» эффективность американского военного присутствия в этом регионе и ослабит позиции Саудовской Аравии, Катар и других союзников США в регионе. Для усиления обороноспособности вооруженных сил ИРИ нужно поставить также значительное количество многоцелевых истребителей МиГ-29 СМТ последней модификации, перехватчиков МиГ-31, а также тяжелые истребители Су-30 поколения 4+, что полностью нейтрализует любого потенциального агрессора, нацелившегося на Иран. Необходимо усилить сухопутные силы, прежде всего за счет их бронетанковой составляющей, путем поставок сотен танков Т-90 и БТР, современных ракетно-артиллерийских систем и т.д.

Учитывая протяженность иранского побережья и нахождение в Персидском заливе кораблей 5-го флота США с базированием на Бахрейне, было бы целесообразным оказать Ирану содействие в создании надежной системы противовоздушной обороны, включающую в себе и системы береговой обороны на базе береговых ракетных комплексов К300 «Бастион», предназначенных для поражения надводных кораблей различных классов и типов из состава десантных соединений, конвоев, корабельных и авианосных ударных групп, а также одиночных кораблей и наземных радиоконтрастных целей в условиях интенсивного огневого и радиоэлектронного противодействия. Это фактически обезоружит не только весь 5-й флот США, но и флоты других стран Персидского залива, враждебно настроенных к ИРИ. При этом, конечно, стоило бы поставить ВМС Ирана современные надводные и подводные корабли различных классов, а также технически укрепить части морской пехоты, прежде всего за счет усиления вертолетными группами в составе десантно-транспортных вертолетов и боевых вертолетов КА-29 и КА-52. Общий объем Военно-технического сотрудничества России с Ираном может превысить показатель в 25 млрд долл. Иран — самый крупный на сегодня в мире рынок для военно-технической продукции.

Было бы целесообразным оказать Ирану содействие в создании надежной системы противовоздушной обороны, включающую в себе и системы береговой обороны на базе береговых ракетных комплексов К300 «Бастион»

Экономическое сотрудничество: огромная выгода для обеих стран

В Москве также должны понять: Ирану сейчас крайне нужны три вещи: снятие санкций, инвестиции и новые технологии. Западные компании и

политические лоббисты, если Россия не будет действовать быстро и решительно, могут получить контракты на модернизацию и развитие экономики ИРИ, прежде всего в наиболее прибыльных секторах: нефтегазовой сфере, нефтехимии, энергетике, связи и транспорте, промышленности и т.д. К примеру, «жемчужиной» в нефтегазовой сфере может стать проект «Южный Парс» — крупнейшее газовое и газоконденсатное месторождение на шельфе Персидского залива. Зная скорость, с которой способны действовать западные и азиатские деловые круги, России, пока ее не опередили, нужно уже сейчас приступить к самой плотной проработке вопросов участия российских государственных и частных компаний в освоении емкого и перспективного иранского углеводородного рынка, причем делать это при мощном лоббировании со стороны высшего политического руководства обеих государств. А «Южный Парс» мог бы стать пилотным проектом российско-иранского сотрудничества, который способствовал бы созданию газовой оси Россия — Иран. Такая ось способна задавать тон на мировом газовом рынке, может диктовать свои условия с учетом того, что Форум стран-экспортеров газа со штаб-квартирой в Дохе показал свою несостоятельность и не стал тем механизмом, через который Москва и Тегеран могли бы проводить свои газовые интересы, включая образование цен на «голубое топливо» и квотирование его экспорта.

Особо значимым для обеих стран является транспортный сектор. Ведь территория Ирана — это наиболее короткий транзитный путь для России к Южной Азии и Юго-Восточной Азии (ЮВА). А Россия, в свою очередь, — это транзитная территория в этом направлении для центральной и северо-западной Европы (Германии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, стран Бенилюкс, Скандинавии и Балтии). Сейчас же коммерческим грузам из вышеупомянутых районов в Азию приходится проделывать длинный и дорогой по стоимости доставки путь вокруг Африки, либо через Средиземное море, затем Суэцкий канал (за проход по нему нужно платить высокие пошлины) и т.д. Как тут не вспомнить проект 20-летней давности так называемого южного транспортного коридора, предполагавшего соединить один из портов Султаната Оман на Аравийском море Индийского океана через Персидский залив, далее железные дороги Ирака и Ирана и Каспийское море с каспийскими портами, железнодорожными узлами и системой речных каналов в России. Это по времени сделало бы доставку грузов в 3 раза быстрее, а по стоимости — в 4 раза меньше, нежели путь из Индии, например, через Индийский океан, Красное море, Средиземное море и Черное море в Новороссийск или Туапсе, или же вокруг Африки и далее через Атлантику в Балтийское и Северное море до Санкт-Петербурга, Роттердама, Гамбурга, Копенгагена, Риги, Клайпеды, Таллинна, Стокгольма, Хельсинки и т.д. или через северные моря до норвежских портов и Мурманска.

Теперь с учетом произошедших геополитических изменений, прежде всего «арабских революций», «южный транспортный коридор» можно сократить и удешевить еще на целый порядок. Для это нужно построить весьма крупный порт непосредственно на иранском побережье Аравийского моря поближе к Пакистану, т.е. фактически непосредственно на побережье Индийского океана, провести оттуда скоростную железную дорогу с большой пропускной способностью до иранского порта Энзели на Каспии, далее — мощную паромную переправу, способную перевозить ж/д вагоны до Астрахани или другого порта России, с использованием параллельно крупных

судов «река-море». Кроме того, уже сейчас можно приступить к модернизации и развитию железной дороги Ирана, в том числе путем поставок ему вагонов самого различного типа производства Уралвагонзавода. А также к строительству судов типа «река-море» на предприятиях «Объединенной кораблестроительной корпорации» (ОСК) для нужд «южного транспортного коридора» для российской сети рек и каналов и Каспия.

И уже сейчас необходимо срочно приступить к реализации совместных экономических проектов, зафиксированных в протоколе по итогам последнего заседания (8-9 сентября с.г.) постоянной российско-иранской межправительственной Комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству и подписанного в августе соглашения по схеме «российские товары в обмен на иранскую нефть». А то прошло почти два месяца с момента подписания протокола, и никакого пока движения. Чиновничья бюрократия, прозападное лобби и «пятая колонна» уже блокирует реализацию проектов. Между тем у России есть приоритетные сферы, где наши технологии не хуже западных: атомная энергетика, электроэнергетика, добыча углеводородов, железнодорожный транспорт, прокладка трубопроводов (нефтяных и газовых), ирригация, водное хозяйство и т.д. Это позволит Ирану ослабить тиски санкционного давления и запустит процесс становления реального торгово-экономического сотрудничества Москвы и Тегерана, которое сейчас никак не соответствует высокому уровню политического диалога.

Владимир Ефимов

Йемен в фокусе борьбы между США, Саудовской Аравии и Ираном

В конце сентября в Йемене произошел государственный переворот, бойцы шиитской повстанческой группировки «Ансар Алла» под руководством А.Хуси установили полный контроль над столицей страны Саной. Затем, уже в октябре хусисты захватили и фактически блокировали все подступы к крупнейшему морскому порту страны на Красном море Ходейде, который является крупнейшим перевалочным пунктом по торговле оружием, и повстанцы сумели захватить в нем несколько крупных арсеналов вооружения. С захватом Ходейды они получили контроль еще и над морским каналом получения оружия и боеприпасов. Вторым является сухопутный путь через Хадрамаут на востоке Южного Йемена.

Срыв йеменской инициативы ССАГПЗ

Абдраббо Мансур Хади Стало очевидным, что настоящей целью хусистов, окруживших Сану за несколько недель до этого, было свержение правящего режима и президента А.Хади. Как хусистам и Ирану, так и бывшему президенту ЙР А.Салеху был выгоден срыв реализации йеменской инициативы ССАГПЗ и решений конференции по национальному диалогу, поскольку эта инициатива не учитывала законные интересы шиитов-хусистов (до 45% населения ЙР) и сторонников бывшего главы государства. Но она обеспечивала особые позиции Саудовской Аравии и Запада в Йемене. Понятно, что установление хусистами своей власти в стране позволяет Тегерану нанести мощный удар по Саудовской Аравии с юго-западного направления. И это вполне оправдано — в Иране уже давно устали от постоянных интриг Эр-Рияда в отношении Ирака и Сирии, попыток сорвать выход на договоренности по ядерной программе ИРИ с США и другими членами «шестерки».

США при поддержке Великобритании и стран ССАГПЗ, прежде всего Саудовской Аравии, не смогли ничего сделать для спасения правящего йеменского режима, где на главных ролях выступало движение «Ислах», близкое по своей идеологии к «Братьям-мусульманам». Вашингтон и Эр-Рияд слишком сильно завязли с созданием реальной антитеррористической коалиции в Ираке, фактически исключив из нее Россию, Иран и Сирию. А это привело к тому, что боевики «Исламского государства» (ИГ) нанесли мощный

ответный удар на северо-востоке Сирии и развернули активность в районе Багдада. Более того, в СМИ недавно просочилась информация о том, что главной целью ИГ является вовсе не север Ирака и восток Сирии, а Саудовская Аравия и другие богатые нефтью и газом аравийские монархии. Потеря же ключевого партнера в Аравии и в зоне Персидского залива в лице КСА, а за ней и Катара, будет означать проигрыш войны США и ЕС против России за мировое энергетическое господство. И все это подстегивается истерией Эр-Рияда, которому везде видится рука Тегерана, якобы стремящегося развалить саудовское королевство и установить тотальное шиитское господство над нефтегазовыми ресурсами региона через своих шиитских союзников от Йемена до Хизбаллы в Ливане, Ирака и Сирии, Восточной провинции КСА и Бахрейна. Что в принципе нельзя исключать, если Обама не прекратит свой агрессивный курс в регионе. А ведь США сами начали нынешние деструктивные процессы, развязав с 2011 года «демократизацию» арабского мира путем разжигания «цветных» революций. Кроме того, взятие шиитами-хусистами Саны внесло значительные изменения в расстановку сил в стратегически важной южной части Аравийского полуострова, находящейся на границе наиболее богатого и влиятельного арабского государства — Саудовской Аравии — основного стратегического партнера США в Персидском заливе. Да еще этот район находится на пересечении важных путей мирового судоходства из Европы в Азию через Суэцкий канал, Красное море и Аденский залив.

Потеря же ключевого партнера в Аравии и в зоне Персидского залива в лице КСА, а за ней и Катара, будет означать проигрыш войны США и ЕС против России за мировое энергетическое господство

События в Йемене имеют огромное региональное значение

События в Йемене вызвало серьезную тревогу и крайне негативную реакцию в соседней Саудовской Аравии, которая обвинила Иран в финансовой и военной поддержке повстанцев. По мнению Эр-Рияда, Тегеран стремится создать шиитский плацдарм на юге Аравийского полуострова, тогда как Саудовская Аравия всегда рассматривала именно себя как гаранта стабильности в Йемене и защитника суннитского большинства. Иран, со своей стороны, заявляет, что оказывает хусистам лишь моральную поддержку. Хотя любому понятно, что Иран не устраивает хаос на Ближнем Востоке, вызванный действиями США, Саудовской Аравии и Катара. Особенно то, что происходит в Сирии и Ираке. Да и сам Иран остается под действием санкций, инициированных Вашингтоном. Поэтому в Тегеране, как полагают многие западные и арабские политологи, хотят создать шиитскую дугу от ИРИ до Ливана через Ирак и Сирию, а также включив в нее Бахрейн, Йемен и в будущем Восточную провинцию Саудовской Аравии, где проживают шииты и где находятся основанные запасы нефти королевства. А военная операция США, Великобритании, Франции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и Иордании лишь усилили опасения Тегерана относительно того, что ИГ — это всего лишь суннитский инструмент Вашингтона и Эр-

Рияда против шиитов и конкретно Ирана. Кроме того, смена власти в Санае усиливает позиции Ирана на переговорах с Западом по ядерной программе.

На сегодня Йемен является одним из слабых звеньев в арабской «дуге нестабильности». Эта отсталая и бедная страна, разнородная по религиозному и этно-племенному составу, имеет чрезвычайно большое геополитическое значение. Религиозно-племенные конфликты в Йемене трудно преодолеть: шииты не являются по сути дела меньшинством, они представляют чуть менее половины жителей Йемена (не менее 45%). Кроме того, имеется проблема Юга. Объединение Северного и Южного Йемена (НДРЙ) более 20 лет назад было на самом деле поглощением Юга, который до сих пор не смирился со своим подчиненным положением и добивается независимости. И в наши дни на юге Йемена, где проживают свыше 2,5 млн человек, вновь поднял голову сепаратизм. Захват хусистами Саны может привести к полному отделению Южного Йемена.

Политика США — в центре йеменского кризиса

В любом случае, в случившемся в Йемене во многом виновата политика США на Ближнем Востоке. Именно Америка вывела на политическую арену суннитских радикалов в лице «Аль-Каиды» и «Талибана», а затем и ИГ.

Именно Америка вывела на политическую арену суннитских радикалов в лице «Аль-Каиды» и «Талибана», а затем и ИГ

В Вашингтоне же поддерживают монархов Персидского залива, которые являются приверженцами салафизма и радикального суннитского ислама, донорами экспорта «цветных революций» за рубеж. Но именно оказывая поддержку суннитам и способствуя распространению их влияния, в том числе в борьбе против шиитов и Ирана, США невольно сплотили ряды шиитов в их противостоянии суннитам. Вооружая суннитов в Персидском заливе, США обложили шиитский Иран санкциями, чтобы лишить его права на разработку атомной энергетики. Развернутая США агрессия против Сирии во главе с Б.Асадом, представите-

лем алавитского (шиитского) клана, тоже напрямую связана с борьбой с шиизмом, чтобы подыграть суннитским монархам Саудовской Аравии и карликового Катара, которые американцы используют в нынешней нефтегазовой войне против России. Эр-Рияд значительно увеличил выброс нефти на мировой рынок, а Катар наращивает спотовые поставки СПГ в ЕС. Одновременно расширяется фронт войны шиитов и суннитов в Ираке.

Что дальше?

В условиях резкого усиления центробежных тенденций в Йемене тактика хусистов напоминает больше «ползучий» переворот, нежели быстрый вооруженный захват власти. По такому же варианту они и будут проникать во властные структуры и усиливать свое присутствие в них. Вот этот сценарий и вызывает самую большую озабоченность у Эр-Рияда. Возникновение шиитского очага на границах Саудовской Аравии является для саудовцев, пожалуй, Али Абдалла Салехсерьезнейшим вызовом после активности

боевиков ИГ на северных границах королевства. В этой связи саудовцы вновь возобновили финансовые дотации шейхам северных племен группы Хашед — опоре А.Салеха. Эр-Рияд, несмотря на то, что он, собственно, еще три года назад являлся одним из спонсоров «йеменской революции» и инициатором т.н. «инициативы заливников», теперь пытается отыграть назад. Сегодня саудовцы под предлогом «шиитской угрозы» могут пойти на реанимацию клана Салеха в связке с лояльными ему племенами. Но чем бы ни закончились эти интриги саудовского королевства и американцев, в любом случае остается реальностью возникновение на севере Йемена «шиитского анклава», который несомненно будет находиться в плотной орбите Тегерана.

Идея воссоздания шиитского «Зейдитского имамата» в границах 1962 года вполне реальна. Повстанцы-хусисты в настоящее время полностью контролируют Сану и практически весь север страны (провинции Саада, Дамар, Амран, Хадж, части провинций Маариб, Гауф и Санса). Они постараются дожать А. Хади и получить ключевые посты в новом кабинете министров при формальном сохранении государственного устройства Йемена. Что касается Ирана, то ему сейчас важнее снять санкции, нежели вмешиваться в дела Йемена. Но использовать их в плане воздействия на позицию Запада вполне возможно.

Фахраддин Абсзода

Россия — Иран: что мешает прорыву в отношениях двух стран?

Сегодня только ленивый не говорит о стремительном приближении геополитического шторма, бушующего в течение последних лет в Арабском мире и на севере Африки, к границам Ирана и Закавказья. При этом вполне вероятно, что долгая и постоянно педалируемая в СМИ волокита вокруг «иранской ядерной программы», якобы для решения которой ведутся переговоры между Ираном и «шестеркой» международных посредников, имел единственную цель — выиграть время для ввязывания Ирана в геополитический хаос. Турция уже попала в эту «ловушку», остается только Иран.

В таких условиях особое значение приобретает вопрос о том, насколько руководство этой страны адекватно оценивает сложность ситуации, и какие превентивные меры собирается предпринять, чтобы защитить себя от разрушительной геополитической стихии. По опыту ряда стран региона можно утверждать, что Ирану вряд ли удастся противостоять ей в одиночку, несмотря на крупную и более или менее хорошо оснащенную армию (по разным данным, с численностью в 540—900 тыс. человек). Поэтому немалое здесь зависит от правильного выбора руководством Исламской республики региональных и глобальных партнеров. По мнению многих аналитиков и специалистов по региону, создание полноценной оси «Москва-Тегеран» может сыграть свою положительную роль в решении судьбы предстоящей геополитической схватки вблизи иранской границы и недопущения ее вглубь страны. Как отметил в своем выступлении на «Валдае» президент РФ Владимир Путин, «логичный путь — это кооперация стран, обществ и поиск коллективных ответов на множащиеся вызовы».

Вот почему тщательное изучение нынешнего состояния и дальнейших перспектив российско-иранских отношений приобретает особую актуальность, что доказывается, в том числе, и активизацией обсуждений данной темы в российском аналитическом поле.

Ныне, в условиях геополитического цугцванга, когда любая потеря темпа в процессе установления отношений с нужными партнерами грозит катастрофическими последствиями, практически не остается времени для всестороннего обдумывания, не говоря уже о давних, не имеющих сегодня практического применения, обидах и исторических недоразумениях, якобы мешающих сближению Ирана с Россией. Внимательное ознакомление

с публикуемыми аналитическими материалами, откровенными и нередко завуалированными языком дипломатии заявлениями некоторых официальных представителей как с одной, так и с другой стороны, показывает, что зачастую именно такие моменты становятся настоящей преградой в процессе сближения двух стран. Как ни странно, в аналитических разработках обеих стран также основной акцент делается именно на такие моменты, в то время как системные причины, исходящие из самой сути устоявшихся властных иерархий, остаются незамеченными. В результате, говоря словами президента ИРИ Х. Роухани, сказанными на встрече с В. Путиным в Астрахани, будучи «пионерами в борьбе против угрозы международного терроризма», тем не менее, Россия и Иран никак не могут добиться установления долгосрочного и полноценного партнерства на международной арене. Несмотря на многолетние разговоры, как в аналитических, так и в дипломатических кругах двух стран, о перспективах двустороннего взаимодействия, и порой кажущиеся сдвиги, в действительности, характеризуют эту ситуацию, никак нельзя сказать о том, что «лед тронулся». В итоге российскому президенту В. Путину во время встречи со своим иранским коллегой приходится дипломатично говорить только об «объеме наших деловых связей», а не о полноценном стратегическом партнерстве.

Не секрет, что негативное воздействие на двусторонние отношения России с Ираном оказывает тяжелый исторический шлейф противостояния этих государств в прошлом. Так, например, Закавказье и Средняя Азия в национальных исторических представлениях двух стран являются спорными территориями, на которые претендует каждая из них. Важно отметить, что это подход не только национальных элит, но и простого населения, которое большей частью в силу незнания и стереотипного восприятия друг друга не доверяют возможным партнерам. При этом стоит отметить, что история двусторонних отношений знает и немало примеров сотрудничества этих государств. Для налаживания подобного сотрудничества, безусловно, необходима воля политических лидеров, которой на нынешнем отрезке времени, думаю, не всегда достаточно.

Например, 7 июня 2012 года в Шанхае встретились новоизбранный президент РФ Владимир Путин и тогдашний президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад. В ходе этой встречи они единогласно согласовали «дорожную карту» для Ирана, разработанную с участием ведущих российских экспертов, и состоявшую из 10 пунктов. Что произошло дальше? Увы, после возвращения Ахмадинежада в Тегеран, по сведениям достоверных источников в кругах местной элиты, там развернулась настоящая борьба вокруг этого документа. В итоге победила «Западная партия» во главе (в той ситуации) — как это ни странно — с Рахбаром, который считал предпочтительным двигаться «в направлении Запада и США». В итоге потеряли всякий смысл заявления Ахмадинежада, сделанные на встрече с Путиным, о том, что «ситуация в регионе и в мире складывается сейчас таким образом, что требует более серьезного и более широкого сотрудничества Ирана и России», когда Россия и Иран «находятся по одну сторону баррикад», «с учетом той воли, которая есть у Вашего превосходительства и есть у меня, мы можем договориться и согласовать определенный прорыв в отношениях наших стран», для достижения которого «у нас есть все предпосылки». В дальнейшем российскому руководству пришлось провести некоторые коррективы в своей политике в отношении Ирана.

Такая неразбериха в механизме принятия решений и, в целом, структуре властей ИРИ, когда не только заявления, но даже подпись одного представителя власти легко может завуалировать какой-нибудь другой чиновник или влиятельный религиозный деятель, как ни странно, предусмотрена в самой Конституции ИРИ. Согласно Конституции, президент ИРИ возглавляет исполнительную власть, формирует Кабинет министров, одобряемый законодательным органом (до 1989 года этим занимался премьер), отвечает за его деятельность перед Меджлисом и Рахбаром, назначает членов Наблюдательного Совета и вице-президентов и одновременно является председателем Совета Национальной безопасности. Он формально считается вторым по значению человеком после главы государства, верховного лидера (ныне — аятоллы Хаменеи). Однако сложная структура власти Ирана, сочетающая демократию с теократией, на деле означает, что власть президента весьма ограничена, и что он часто становится «мальчиком для битья» в руках высшего религиозного руководства страны, что мы часто наблюдали на примере тогдашнего президента М. Ахмадинежада. Фактически президент в ИРИ не является реальным главой государства и ответственен только за проведение согласованной с высшим иранским (в первую очередь, религиозным) истеблишментом внутренней и внешней политики.

Согласно Конституции, безусловным гарантом всей политической модели государства является именно Духовный лидер (Рахбар). При нем действуют Согласительный совет (Совет по определению политической целесообразности), Наблюдательный совет (Совет хранителей Конституции), Совет старейшин (Совет экспертов), Совет по политике возрождения и Высший совет по культурной революции. Кроме того, Рахбар руководит вооруженными силами и ведает назначением на ключевые посты, например, главы телевидения и радио. В результате формируется тот или иной внешнеполитический курс ИРИ, и ему обязан следовать президент. Мало того, никакой закон не может быть принят без одобрения Совета стражей Исламской революции, который должен удостовериться в соответствии предложения конституции страны и исламским законам. Если прибавить ко всему этому еще и наличие в стране немалого количества влиятельных религиозных деятелей, которые имеют негласное право высказаться по той или иной судьбоносной проблеме внутренней и внешней политики, вопрос о статусе президента становится еще более ясным. Потому что последние могут оказать влияния не только на президента, но даже на самого Рахбара. В итоге каждое государственное решение, в том числе и на международной арене, проходит долгие и сложные процедуры согласования со стороны различных формально совещательных, а фактически владеющих неограниченными полномочиями советов и, как уже было отмечено, отдельных влиятельных лиц. Это часто сводит на нет уже достигнутые соглашения между представителями исполнительной власти и их зарубежными партнерами. Становится неясным, например, как могут обсуждать вопросы, по меньшей мере, регионального значения президент РФ, кто, согласно Конституции, имеет все полномочия для подписания соответствующих официальных соглашений и договоров, и его партнер — президент ИРИ, чья подпись под документами порой является, мягко говоря, условной. В таких условиях подписанное даже президентом ИРИ любое официальное соглашение не может считаться уже свершившимся делом,

так как Рахбар одним своим заявлением легко может дезавуировать его. Обратимся к примеру: 16 июня сего года президент Хасан Роухани заявил, что Иран готов сотрудничать с США в борьбе против радикальных суннитских групп. «Все страны должны принять участие в совместной борьбе с терроризмом. Мы можем работать вместе с американцами над тем, чтобы покончить с беспорядком на Ближнем Востоке», — подчеркнул он. Но через некоторое время после этого заявления, аятолла Али Хаменеи заявил, что Иран отверг предложение США войти в международную коалицию по борьбе с боевиками ИГИЛ или «Исламского государства»: «На протяжении последнего времени США, через своего посла в Ираке, уговаривает нас включиться в коалицию против ИГИЛ, однако я отверг это сотрудничество с теми, у кого руки по локоть в крови».

Разумеется, при этом мы нисколько не намерены «обелять» все действия российского руководства в отношении Ирана. Да, безусловно, Россия в предыдущие годы не всегда была последовательна в своих отношениях с Ираном, если иметь в виду ее присоединение к санкциям против этой страны по линии ООН, результатом чего стал, в том числе, и отказ в 2010 году от поставок российского ракетного комплекса С-300 этой стране. Но, во-первых, следует учесть ту международную обстановку, при которой России пришлось поддержать санкции против Ирана. Во-вторых, нельзя игнорировать тот факт, что Россия не поддержала односторонние санкции против Ирана, введенные США и их сателлитами, которые по своему масштабу и разрушительности стали более чувствительными для этой страны, чем поддерживаемые Россией санкции ООН. Наконец, если речь идет о последних двух годах, то даже враги В. Путина вынуждены признать, что ныне он проводит достаточно четкую, последовательную, открытую и довольно транспарентную внешнюю политику, в том числе, и в отношении Ирана. К сожалению, такую же политику мы не наблюдаем с иранской стороны, что видно из вышеприведенного примера относительно договоренностей президента РФ с М. Ахмадинежадом.

Кроме того, четкая политическая воля, в том числе, и в смысле налаживания отношений с Ираном была продемонстрирована Путиным по сирийскому кризису. По большому счету, такую позицию России по Сирии можно было считать прекрасной платформой для углубления русско-иранских отношений. Однако почему-то этого не произошло.

Далее, для налаживания двусторонних отношений важно, чтобы партнеры делали ожидаемые друг другом шаги. Но и этого не происходит. Например, на фоне плодотворных переговоров Путина с Ахмадинежадом российская сторона имела все основания надеяться на достижение определенного «прорыва» в переговорах так называемой «шестерки» с иранцами по ИЯП именно в Москве. Тем более, накануне этих переговоров Ахмадинежад на встрече с президентом Афганистана Хамидом Карзаем в Пекине, в кулуарах саммита ШОС, отметил, что он полон оптимизма в отношении московского раунда переговоров с «шестеркой». Мало того, в эти же дни руководитель КНР Ху Цзиньтао во время встречи с иранским президентом попросил его, чтобы иранское руководство заняло в Москве позицию, которая бы свидетельствовала о том, что Иран готов проявить «гибкость и серьезный подход», причем обозначил свою позицию напрямую, тем самым четко дав ему понять, что Китай также ожидает прорыва на московском раунде.

Отметим, что такой (даже незначительный) «прорыв» был бы веским аргументом для В. Путина в плане доверия иранского руководства, по меньшей мере, на личном уровне. Но, увы, московский раунд переговоров закончился очередным провалом, в первую очередь, потому, что иранская сторона предпочла добиться прорыва в какой-нибудь из европейских столиц. Разумеется, такой подход иранской стороны к роли России в процессе урегулирования иранской ядерной программы не мог остаться незамеченным в Кремле.

Коснемся еще одной проблемы двусторонних отношений. Как известно, о развитости государственности свидетельствует, в том числе, и то, что смена правительства в стране не приводит к серьезным и резким изменениям внешнеполитического курса государства. В этом смысле, надо признать, что, начиная с 2000-х годов, российская внешняя политика с незначительными изменениями (в период президентства Д. Медведева) формируется и осуществляется под руководством В. Путина. В этом плане примечательно, что даже будучи премьер-министром, В. Путин не позволил Д. Медведеву кардинально изменить политику РФ в отношении ИРИ, что, например, могло бы произойти в ходе визита последнего в Баку в начале сентября 2010 года.

Но, в отличие от России, президент Ирана, мало того, что не является самостоятельной фигурой в решении важных внутренних и внешнеполитических решений, но и каждая новая фигура на этом посту означает абсолютно новый подход к уже достигнутым соглашениям. В итоге получается, что после каждых выборов президента переговоры приходится начинать с «чистого листа». Эта особенность иранской внешней политики особо губительна в нынешних условиях турбулентности многих мировых и региональных процессов.

В этом плане особое значение в рассматриваемом нами процессе приобретает проблема выбора приоритетов со стороны иранского руководства на международной арене. Наши долголетние наблюдения за действиями иранского руководства никак не позволяют нам понять, какие именно направления во внешней политике являются приоритетными для правительства Ирана. Если брать конкретно правительство Роухани, то с первого дня было ясно, что он является прозападным политиком. Помнится, как еще год назад некоторые российские аналитики были без ума как от самого Роухани, так и от его «полностью прозападного правительства». Прошло чуть больше года со дня его избрания на этот пост, и сегодня уже почти все российские иранисты в один голос пишут о полном провале правительства Роухани, а некоторые даже заявляют, что «Роухани перешел красную черту» в своих стремлениях быть ближе к Западу. Ведь все, что удалось Роухани, это то, что западные банки согласились «разморозить» 4,2 миллиарда иранских активов. Санкции до сих пор не сняты, а конец переговоров пока что не виден. По итогам восьмого раунда переговоров «шестерки» международных посредников и Ирана, который прошел 16 октября в Вене, был выражен осторожный оптимизм по поводу того, что возможно уже 24 ноября сего года договоренность между сторонами все же будет достигнута. При этом глава дипломатии ЕС Кэтрин Эштон заявила, что она не уверена, что договоренность будет достигнута, так как «предстоит выполнить много работы». Тем не менее, она обещала, что будет стремиться, чтобы

«успех был достигнут». Представитель Госдепа США Мари Харф слегка «подкорректировала» ее заявление, отметив, что «есть достаточно времени до 24 ноября, чтобы прийти к всеобъемлющему соглашению».

Тем не менее, на следующий же день другой представитель Белого дома Эрик Шульц заявил, что Администрация США не планирует отменять санкции против Ирана без одобрения Конгресса. «Если будет всеобъемлющее решение (иранской ядерной проблемы), то, само собой разумеется, существующий режим санкций не может быть отменен без действий Конгресса», — сказал Шульц.

На фоне этого нельзя исключать, что правительство Роухани в переговорах с Россией, с одной стороны, старается выиграть время до отмены Западных санкций, а с другой стороны, оно использует эти переговоры в целях определенного давления на США, чтобы они ускорили процесс отмену санкций. Т.е. фактически Роухани перенимает эрдогановскую тактику по использованию «московской карты» в своей западной политике. Но в отличие от турецкого коллеги, за время руководства которого Турция значительно сблизилась с Россией, по меньшей мере, в экономической сфере, ни Роухани, ни Ахмадинежад, ни Хатами не смогли установить с Россией подлинно партнерские отношения в какой-либо сфере.

Известно, что изначально Роухани отвел на переговоры по ИЯП шесть месяцев, на что, согласно сведениям иранских СМИ, тогда дал свое согласие Рахбар. Но уже прошло больше года, а Роухани никак не сумел добиться своей цели. Кроме того, за это время ему практически не удалось решить ни одной более или менее значимой задачи из своей предвыборной программы в области социально-экономической ситуации в стране. Это привело к обострению и без того сложного положения внутри иранского общества и падению доверия населения к его кабинету. Мало того, произошла резкая перегруппировка сил в высших кругах консервативной иранской элиты. Они в буквальном смысле слова ополчились против правительства Роухани и начали активную борьбу против его курса на сближение с Западом. Первым тревожным сигналом для Роухани стал недавний импичмент министра образования ИРИ — одного из ведущих членов его команды, — парламентом страны. На очереди находятся еще трое министров. Кроме этого, начали активизироваться сторонники М. Ахмадинежада. В ответ на обвинения Роухани Ахмадинежада в «не мудрости», последний пригласил его на открытые теледебаты, которые не состоялись по причине несогласия Роухани.

На фоне всего этого некоторое недоумение вызывает разница (двойные стандарты) в подходах правительства Роухани к Западу, с одной стороны, и к России — с другой. В то время как Роухани старается любой ценой добиться сближения с США, такого желания со стороны его правительства в отношении России не наблюдается. Так, вместо того, чтобы довести переговоры с российской стороной хотя бы на одном конкретном направлении к их логическому завершению, т.е. к заключению соответствующего соглашения, позволяющего реализовать намеченные цели, в Иране продолжают обвинять Россию якобы в «непоследовательности». Например, некоторые иранские эксперты причину «недостаточного развития российско-иранских отношений» видят исключительно в «непоследовательности РФ», вследствие чего «стороны пока не использовали весь свой потенциал

для укрепления своих отношений». Согласно их мнению, «сейчас из-за давления Запада появилась надежда на то, что Россия изменит свой подход к этому вопросу», и что «чем больше Россия отдаляется от США, тем выше становится вероятность ее сближения с Ираном». Можно подумать, что автор не в курсе того, что конкретно в данный отрезок времени не российское руководство старается сблизиться с США, а правительство Роухани. Скорее всего, они в курсе происходящего. Но его слова демонстрируют то, как иранское руководство и аналитическое сообщество относятся к России. Тем более, никто из них не сможет утверждать, что американцы всегда были последовательны в своих отношениях с Ираном (даже если были, то не в плане налаживания дружеских отношений). При этом, сегодня ни для кого не секрет, что иранские силовики являются сторонниками укрепления военно-технического сотрудничества с Россией, команда Роухани «умом и сердцем» остается с Западом, точнее, с Вашингтоном, политика которого в регионе, по мнению большинства наблюдателей, утратила адекватность.

В таких условиях становится непонятным, с кем в Иране должна вести переговоры Москва, в том числе, и в области военно-технического сотрудничества? Потому что никто не сможет гарантировать, что такая «борьба между силовиками и кабинетом Роухани» не является всего лишь имитацией, целью которой является игра в «добраго» и «злого» полицейского в отношениях с Россией?

За последний год Роухани четыре раза встречался с В. Путиным. Но при этом, не учитывая определенную активизацию взаимных визитов представителей сторон, мы никак не наблюдаем настоящего прорыва в их отношениях. Почему? Потому что за протокольными улыбками и теплыми приветствиями представителей ИРИ не следуют конкретные дела и предложения, которые обеспечили бы такой прорыв. Создается ощущение того, что иранское руководство всячески старается добиться того, чтобы Россия доставала для него горячие каштаны из огня, но основные свои дела они при этом творят с Западом. В таких условиях, тем более, будучи в курсе всего происходящего, было бы наивно ожидать, что российская сторона будет делать вид, что все в их отношениях хорошо.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что еще есть время для того, чтобы Россия и Иран пришли к согласию по основным вопросам двухсторонней повестки. Но при этом было бы странным думать, что без изменения позиций иранского руководства Россия может пойти на какие-то односторонние уступки. Ведь не секрет, что сегодня Иран стоит лицом к лицу с огромной опасностью, и руководство этой страны должно давать себе отчет в этом. От его позиции, точнее, выбора им партнеров на международной арене зависит то, каким будет завтрашний день этой древней страны. Россия, безусловно, и без Ирана способна обеспечить неприкосновенность своих границ и целостность страны. Ибо, как заявил В. Путин, «ни у кого не должно быть иллюзий относительно возможности добиться военного превосходства над Россией. Мы этого никогда не допустим. Россия ответит на все эти вызовы: и политические, и технологические. Весь необходимый потенциал у нас для этого есть». Способен ли Иран к этому? Чтобы получить ответ на этот вопрос, нам остается ждать недолго.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

